

У СМЕРТИ ЕЁ ЛИЦО

ТАМ, ГДЕ ДАЖЕ БОГИ УМИРАЮТ

Ольга Вейрина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Вейрина

У смерти её лицо

<https://litres.ru/74421318>

SelfPub; 2026

Аннотация

На фоне скандинавской мифологии разворачивается история о власти, боли, вине и серой морали, где каждый персонаж преследует собственную цель, а за каждым союзом скрывается расчет.

Кая умерла — и очнулась воплощением богини смерти Хель, новой правительницей царства мёртвых.

Она не помнит прежней жизни. Не знает, почему именно она стала богиней. И совершенно не готова к тому, что ждет её в роли самой смерти.

Пока Кая пытается понять законы царства и не потерять себя, боги начинают борьбу за ее силу: для одних Хельхейм становится оружием в грядущей войне, для других — последней надеждой сохранить Мидгард, а для третьих — возможностью изменить сам порядок мира.

Читателя ждет мрачное путешествие в мир, где смерть — не конец, а начало новой жизни. Здесь самая страшная битва разворачивается не только между богами, но и внутри самой Хель, которой предстоит решить кем она станет, прежде чем другие решат это за неё.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Эльёднир: первое погружение в мир мёртвых	10
Интерлюдия 1. Осколки прошлой жизни	19
Глава 3 Между безумием и свободой	21
Глава 4 Первый символ власти	34
Глава 5 Убийца поневоле	43
Глава 6 Наследие мертвецов	50
Глава 7 Мертвый среди живых	66
Глава 8 Незванный гость	76
Глава 9 День мёртвого бога	94
Глава 10 На границе миров	109
Интерлюдия 2. Источник Урд	132
Глава 11 По чужим правилам	139

Ольга Вейрина

У смерти её лицо

Пролог

Крупные снежные хлопья один за другим падали на лобовое стекло. Даже с работающими дворниками дорогу было почти не разглядеть. К счастью, Дэвид уже был почти на месте.

Кое-как натянув капюшон, он выбрался из машины и побежал к небольшому дому. Оказавшись под крышей, стряхнул с рукава снег и уже собрался постучать, когда дверь тихо приоткрылась.

— Проходите.

Голос был мягким и совсем тихим, почти шёпотом.

Помещение освещала единственная тусклая лампа под потолком. Здесь царила лёгкая прохлада, от которой по коже побежали мурашки. Чёрный, серый — других цветов словно не существовало. В этом месте Дэвиду сразу стало не по себе. Впрочем, в таких местах редко бывает уютно.

Он толком не успел разглядеть обстановку: всё внимание привлекла женщина, открывшая ему дверь.

На ней были строгий чёрный костюм и такие же перчатки. Полностью седые, почти серебряные волосы опускались чуть

ниже плеч, а лицо скрывала полупрозрачная чёрная вуаль.

Жрица Хель.

Все они выглядели примерно одинаково: неопределённого возраста, с тщательно скрытой внешностью. Ходили слухи, будто под вуалями жриц прячутся обезображенные лица — такие же, как у самой богини. Дэвид считал подобные истории бреднями и страшилками для детей.

Раньше ему не доводилось заниматься подобными вещами. Если бы речь шла не о покойной бабушке и её последней воле, все формальности взяла бы на себя мать. Но в завещании было чётко указано: обратиться именно в это похоронное бюро, договориться с его владелицей — и сделать это должен именно Дэвид.

Похоронными обрядами он никогда не интересовался. Однако из объяснений незнакомки быстро понял: здесь всё ещё придерживались старых традиций.

Кремация сама по себе давно никого не удивляла. А вот подстригание ногтей покойного перед сожжением и возведение кургана для праха встречались всё реже. Как и такие небольшие частные бюро со жрицами.

Их постепенно вытесняли крупные похоронные конторы с обычными служащими. Старые обряды уходили в прошлое. Современные мидгардцы всё реже вспоминали о богах.

На следующий день Дэвид с матерью стояли на кладбище возле небольшого кургана, в последний раз прощаясь с ба-

бушкой.

Снег не прекращался. Хлопья бесшумно ложились на большой чёрный зонт над их головами.

Всю ночь Дэвида мучили смутные кошмары. Утром он проснулся в мокрой от пота постели с ощущением, будто голоса из сна всё ещё звучат где-то рядом. Голова гудела, и рука то и дело тянулась к пачке сигарет в кармане куртки.

Он едва сдерживался.

Может, это и было глупо, но ему казалось, что не стоит злить дух покойной. При жизни бабушка терпеть не могла сигаретный дым.

Чтобы хоть немного отвлечься, Дэвид заговорил с матерью:

— Как ты?

Голос прозвучал хрипло и тише, чем он ожидал.

Мать не отводила взгляда от кургана.

— Пусто. Вот как. — Она вздохнула. — Но ты за меня не переживай. Твой отец позаботится обо мне. Я знаю, тебе нужно уехать.

Последние слова оборвались коротким всхлипом.

У Дэвида сжалось сердце.

Но он действительно ничего не мог изменить. Мать провела с бабушкой последние месяцы её жизни, тогда как он не сумел выкроить в своём графике даже нескольких дней, чтобы приехать. О чем он теперь сожалел.

Дэвид тяжело вздохнул и посмотрел вправо.

За деревом мелькнула тень.

Он нахмурился и пригляделся.

Никого.

Кроме них двоих на кладбище, кажется, не было ни души.

Недосып. Только и всего.

Дэвид потёр покрасневшие, слезящиеся глаза.

— Я обязательно приеду на следующей неделе. Побуду здесь несколько дней.

Он накрыл ладонью руку матери и слабо улыбнулся, когда она наконец повернулась к нему.

— Хорошо. Мы будем ждать.

Её губ коснулась едва заметная улыбка.

Сев за руль своего старенького автомобиля, Дэвид Миллер наконец закурил.

Снежные хлопья продолжали биться о стекло, складываясь в монотонный ритм, удивительно подходящий его мрачному настроению.

Из динамиков раздался голос радиоведущего:

— Зима в этом году наступила резко и оказалась аномально холодной. В ближайшие дни ожидаются сильные снегопады и порывистый ветер. Жителям рекомендуется по возможности не выходить из дома.

Голос прервали помехи.

Дэвид раздражённо выключил радио.

Проклятый снег всё не унимался.

Плачущая мать, похороны, бессонная ночь — всё это вымотало его окончательно. Было уже поздно, и он торопился домой, мечтая только о тёплой кровати и нескольких часах спокойного сна. О делах, которые свалятся на него завтра, хотелось хотя бы до утра не вспоминать.

В свете фар впереди возник человеческий силуэт.

Девушка собиралась перейти дорогу.

Его нога потянулась к педали тормоза, и в этот момент его охватило оцепенение. Сознание начало сгущаться, как дым от сигареты. Он всё понимал, но тело не слушалось. Сквозь снежную пелену он отчётливо увидел лицо девушки: приоткрытый в крике рот, светлые пряди, прилипшие к бледной коже, и широко распахнутые зелёные глаза. В них было недоумение.

Удар.

Жёсткий. Глухой.

Только он вырвал Дэвида из оцепенения.

Машину развернуло на скользкой дороге. Лобовое стекло пошло трещинами. Сердце будто остановилось.

Несколько мгновений Дэвид просто сидел, не понимая, что произошло. Разум судорожно пытался восстановить связь с реальностью.

Дэвид снова почувствовал своё тело: пальцы намертво вцепились в руль, нога ударила по педали тормоза.

Слишком поздно.

На заснеженной дороге лежала девушка.

Неподвижная, словно сломанная кукла.

Дэвид смотрел на неё, не в силах отвести взгляд.

И только тогда, когда последние клочья тумана окончательно покинули сознание, он понял: он только что убил человека.

Глава 1 Эльёднир: первое погружение в мир мёртвых

«Чертог её — горе. Постель её — болезнь. Сердце её — жестоко и мертво.»

Тишина. Ни звуков, ни запахов, ни ощущений. Тягучая, вязкая тьма. Сколько времени я провела в этой пустоте?

Я?.. Кто я?

Разум окутывал мрак, но что-то назойливо выталкивало меня из этой уютной колыбели. Сознание постепенно возвращалось. Открыв глаза, я почувствовала, будто вынырываю из липкой смолы. Захотелось провести руками по лицу, чтобы снять тяжёлые капли, но тело не слушалось. Лёгкие горели, грудь сжимало от боли. Я попыталась согнуть пальцы — они едва шевелились. Перед глазами мерцали чёрные точки. Размытые осколки воспоминаний кружились в голове, постепенно возвращаясь на свои места, как кусочки пазла: дождь, дорога, стеклянные глаза мужчины за рулём, удар, вспышка боли. Темнота.

Я наконец смогла сделать полноценный вдох — и тут же закашлялась, захрипела. В ладонь выпали комочки сырой чёрной земли.

— Что за... — Мой голос прозвучал чужим и грубым.

Всё ещё чувствуя тяжесть и скованность движений, я попыталась осмотреться. Понадобилось несколько секунд, чтобы предметы обрели чёткость.

Мой взгляд упёрся в каменный потолок, на котором проступала плесень. Кое-как приподнявшись на локтях, я поняла, что нахожусь в спальне и лежу на широкой кровати, обнажённая, укрытая лишь шёлковыми простынями, которые холодят кожу. Величественная архитектура странно сочеталась с трещинами на стенах и разбитым мозаичным полом.

С трудом поднявшись, я сделала неуверенный шаг в сторону огромного окна в полуразрушенной стене, обрамлённого тяжёлыми шторами угольно-чёрного цвета. Замявшись на секунду, потянулась за простыней и укуталась в неё. Каменная крошка болезненно впивалась в ступни.

Мой взгляд затерялся в пустынной равнине, которая где-то вдали сливалась с небом. Её покрывала заиндевевшая трава. Голые мёртвые деревья были разбросаны по ней клочьями и склонялись к земле, будто ветхие старики. Ни шороха, ни лёгкого дуновения ветра. Только тяжёлые свинцовые тучи над головой. Странные приглушённые звуки раздавались откуда-то снизу, но я не могла ничего разглядеть. Уходящую вниз каменную стену окутывал туман.

Я силилась понять, где и, главное, как я оказалась. Ничего не приходило на ум — он, к слову сказать, ещё толком не пришел в себя. Кроме последних десяти минут своей жизни я не помнила никаких других событий. Какие-то смут-

ные образы мелькали в голове, но чётче они не становились. Пейзаж, который раскинулся передо мной, не был похож ни на одно из мест, где, как мне казалось, я бывала. Впрочем, в голове был сплошной туман, и я даже имени своего не помнила. Никто я, ни откуда.

Я начала тихонько всхлипывать от безысходности, которую навевали унылый вид за окном и моё нынешнее положение. Я повернулась к двери, когда услышала сначала шорох, а после и тихие голоса. Стараясь ступать как можно аккуратнее по этим адским раскрошенным плитам и всё ещё пошатываясь, я двинулась на звуки. Обходя кровать, заметила в углу лёгкий блеск. Большое зеркало от потолка до пола, полностью вмурованное в каменную стену. Я скользнула взглядом по отражению и, уже почти сделав шаг дальше, замерла. Не в силах поверить своим глазам, я очень медленно, с трудом поворачивая вдруг ставшую тяжёлой голову, уставилась на отражение. Назвать его своим просто не получалось. Рот открылся в немом крике. Словно во сне, я повернулась к зеркалу. Это было не моё лицо.

Сквозь длинные серебристо-седые пряди на меня смотрели жуткие глаза — один ярко-зелёный, другой мертвенно-белый, будто слепой. Половина лица была... костяной. Белые, безжизненные кости, меж которых клубилась чернильная тьма. Она извивалась, будто живая. Я дотронулась до лица, и липкий страх окутал меня. Губы дрожали от сдерживаемых слёз, а костяные зубы мерзко лязгали друг о дру-

га. Я отшатнулась от зеркала, наступила на простынь и упала на спину. На грани ускользящего сознания слышались голоса.

...

— Ты слышал? — Девушка обернулась к своему собеседнику. В её глазах читалась тревога. Уже какое-то время, стоя под дверью, они с братом спорили, нужно ли беспокоить господжу. Точнее, спорил её брат — такой же высокий и мертвенно-бледный, как она сама. Весь его облик сочился раздражением.

— Если ты про характерный звук падающего тела на каменный пол, то, конечно, я слышал. — Парень закатил чёрные нечеловеческие глаза.

Его губы еле шевелились, будто он экономил каждое движение, не желая тратить их попусту.

— Может, нам стоит зайти и проверить, всё ли с ней в порядке? — Девушка нервничала. Её шёпот прозвучал громче, чем она хотела.

— Если хочешь — иди, я подожду тебя здесь. Видимо, ты забыла, каким было прошлое воплощение богини. — Его губы скривились.

Сестра неосознанно потёрла небольшой шрам на шее.

— Я помню. — Её взгляд на секунду затуманился. Отдёрнув руку, девушка снова посмотрела на брата. — Это ведь

новая госпожа, может быть, ей нужна наша помощь? Может, она всё же будет... помягче?

— Сама наивность, — зло прошипел парень. — Они все одинаковые. Характер и суть у всех одни и те же. Других тут просто не может быть.

— Летт*, не забывай, мы здесь столько, сколько ей будет угодно, и обязаны служить. Хочешь ты этого или нет, но такова наша судьба. — Её лицо стало серьёзным, а взгляд — просящим.

— Я тебя не просил вступаться за меня... — Голос Летта был грубым и жёстким. Парень сжал кулаки.

Латти* не дала ему договорить. Резко развернулась и потянулась к дверной ручке.

— Мы уже сотню раз говорили об этом. Хватит.

Поможет он ей или нет, уже неважно. Она и сама не совсем понимала, почему вдруг так переживает за незнакомку, которую стоило опасаться. Появившись здесь, новая богиня выглядела совсем неуместно : хрупкая, маленькая, с тонкими запястьями. Когда они с братом уложили её в постель, богиня сжалась в комок и выглядела как потерявшаяся маленькая девочка. В ней и правда было что-то, чего никогда не было в других — всегда жёстких и жестоких, с множеством шрамов на теле и в душе.

Стараясь не шуметь, Ганглатти повернула ручку двери, но та всё равно жутко закрипела. Осторожно сделав пару шагов в комнату, девушка услышала за спиной раздражённое

бормотание брата и поняла, что тот всё же тащится следом. Ганглатти увидела будущую богиню, лежащую на полу перед зеркалом. Девушка была без сознания, её голова была слегка повёрнута набок, а волосы упали на лицо, закрывая его жуткую половину.

— Вот видишь, я же говорила: что-то не так. — Ганглатти подошла и опустилась на колени рядом с девушкой.

— Хорошо, мы убедились, что она здесь и в целом жива и здорова, если можно так сказать. Судя по всему, она не выдержала собственного великолепия и упала в обморок. Должен признаться, такое впервые, но, видимо, это обычный шок. Такое зрелище не каждому под силу перенести. Можем теперь спокойно уходить. — Парень развёл руки в стороны и уже направился к двери.

— Ты что, с ума сошёл? Мы же не можем её оставить так.

— Мы и так уже второй раз оказались в её покоях, хотя это строго запрещено. А что, если она прямо сейчас придёт в себя?

— Чем дольше ты со мной споришь, тем больше вероятность такого исхода. Давай хотя бы перенесём её на кровать. Или ты считаешь, что, если она придёт в себя, лёжа голой на полу, её настроение будет гораздо лучше? — яростно прошипела девушка.

Парень сжал кулаки и сделал глубокий вдох.

— Если бы я оказался на её месте, предпочёл бы, чтобы вообще никто не узнал и не увидел подобного зрелища.

— Вот же... Чтоб тебя Фенрир* сожрал! За что мне такой брат? Просто помоги мне. Может, она правда окажется не такой уж... — Девушка неопределённо покрутила рукой в воздухе. — Сам посуди: она появилась гораздо позже, чем должна была. Царство уже начало реагировать на отсутствие богини. Да и место, где мы её нашли, тоже странное.

— Латти, что за выражения? Ты опять была в Яме у отрекшихся? Скорей бы они уже упокоились. Одни проблемы от них. Их даже из Вальгаллы* выгнали. — Парень явно был недоволен и, если бы не обстоятельства, с удовольствием отчитал бы сестру за её неразумное поведение.

— Не говори о них так. Это всё-таки воины. Пусть и не самые лучшие. — Девушка замаялась.

— Тебя не переубедить. Они всё равно превратятся в драугров*. Это неизбежно. — Парень покачал головой. — И вообще, может быть, они там, у себя в Асгарде*, наконец-то решили, что сваливать всю работу смерти на двух бедных, совершенно неприспособленных к этому слуг вообще-то неуместно и совершенно не по-божественному. Тем более что новой богини ещё не было. Вот в этот раз они пошевелились — и пожалуйста. Нам остаётся только порадоваться. Души, конечно, сами сюда попадают, как на конвейере: система налажена, и на том спасибо. Но как ни крути, место смерти пустым не должно быть, иначе это великолепное царство развалится, а все здешние обитатели разбредутся по девяти мирам. Чему я буду несказанно рад. — Закон-

чив свою тираду, Ганглет развернулся к выходу.

— Ты в это веришь? Чтобы сами боги подумали о слугах и даже не о своих. Если это место развалится, то все девять миров развалятся. Так что давай не упрямься, а помоги мне.

— Вот и пусть. Я наконец-то обрету покой.

Брат поджал губы и нехотя развернулся к сестре, затем всё же опустился на пол рядом с ней. Он аккуратно просунул одну руку под голову воплощения, а вторую — под колени.

— Вот ведь Хел. Если она сейчас очнётся или вспомнит о происходящем...

— Если — хорошее слово.

Приложив некоторые усилия, Ганглет наконец поднял девушку. Слегка пошатнувшись, он аккуратно прошёл по крошеному полу и довольно небрежно стряхнул её на кровать. Ганглатти покачала головой.

— Надеюсь, ты довольна, и теперь мы точно можем уходить.

Её брат с каменным лицом уже двинулся к выходу. Ганглатти же задержалась и потянулась за простынёй, которая соскользнула с тела их будущей госпожи. Вернувшись к кровати, она аккуратно накрыла девушку и быстро провела рукой по её волосам.

— Вы привыкнете, госпожа, вы должны привыкнуть. Все привыкают. Мне жаль каждую из вас. Каждый раз.

Быстро развернувшись, служанка поспешила за братом.

— Латти, ну, где ты там? — нервно и зло зашептал парень

по ту сторону двери.

— Пойдём скорее, нам нужно ещё подготовить зал и вино для госпожи. Что-то мне подсказывает, оно ей точно понадобится.

*Ганглати и Ганглет - слуги Хель, владычицы мира мёртвых, в скандинавской мифологии.

*Фенрир - огромный чудовищный волк в скандинавской мифологии, один из главных персонажей, связанных с Рагнарёком.

*Вальгалла- в скандинавской мифологии огромный чертог бога Одина, куда после смерти попадала часть воинов, павших в бою.

*Драугры- в скандинавских сагах ожившие мертвецы, которые продолжают существовать после смерти в своём теле.

*Асгард- в скандинавской мифологии мир и крепость асов, главного рода богов, к которому относятся Один, Тор, Тюр, Фригг и другие.

Интерлюдия 1. Осколки прошлой жизни

Такой знакомый, но такой надоедливый и мерзкий звук — боги, как я уже ненавидела эту песню! — заставил меня повернуться на бок и потянуться рукой к тумбочке, где звонил будильник. Наугад, не открывая глаз, я несколько раз нажала пальцем на экран телефона.

Блаженная тишина.

Подложив руку под подушку и устроившись поудобнее, я почувствовала, как сознание снова уплывает в сон, но в этот момент откуда-то из-за спины раздался ворчливый мужской голос:

— Я так понимаю, вставать ты не собираешься. Кая, зачем столько будильников? Ты просто не даёшь мне спать. Я был бы счастлив вставать тогда, когда сам проснусь. И вообще, это тебе на работу пора. Твои пациенты наверняка уже ждут.

Я вздохнула и зевнула, одновременно переворачиваясь на спину. Собираясь с мыслями, что ответить, услышала приближающийся к кровати цокот собачьих когтей.

— Я и правда планировала встать пораньше.

Мои пациенты. Звучало приятно, но всё ещё непривычно. Кое-как я наконец открыла глаза и привстала на локтях.

— Ты каждый день планируешь, но этим планам не суж-

дено сбыться. Смирись и прекрати меня мучить по утрам.

Наши голоса привлекли собаку. Справа от меня собачьи лапы активно заскребли одеяло, привлекая внимание. Я повернулась к пушистой морде и потрепала её по голове.

— Пора идти на прогулку. Тебя вовсю зовут, — улыбнулась я, продолжая гладить собаку.

— Если бы не твои будильники, то собачья морда прекрасно бы ещё спала.

Несмотря на ворчливый тон, на губах мужчины появилась лёгкая улыбка. Волосы были взъерошены, а глаза ещё немного прищурены после сна.

Я потянулась к нему. Как только мои губы коснулись его, я ощутила колючий холод.

Отпрянув в недоумении, я распахнула глаза.

Его лицо будто плыло. Черты менялись и смазывались, но губы продолжали беззвучно двигаться. Вся комната растекалась, превращаясь в дым.

Резкая боль в висках заставила меня на секунду зажмуриться.

Паника накрыла волной. Я словно погружалась всё глубже под толщу воды. Пространство вокруг стиралось, превращалось во что-то тёмное, чёрное и чуждое.

Единственное, что я ясно ощутила в последний момент, — это чьё-то присутствие рядом

Глава 3 Между безумием и свободой

Я резко села на кровати. Жуткое видение не отпускало меня. Я огляделась и поняла, что нахожусь всё в том же проклятом месте, всё в той же полуразрушенной комнате. Ни собаки, ни мужчины рядом, ни яркого солнечного света. Ничего этого не было.

Сердце колотилось в груди, противоречивые ощущения тепла и страха не отпускали меня. Я до сих пор ощущала прикосновения к коже. В груди отчего-то защемило, когда я попыталась вспомнить лицо мужчины.

Что бы это ни было, нужно выбираться отсюда.

Ну что ж. Дубль два.

Больше не раздумывая, я снова направилась к зеркалу. Подойдя почти вплотную, зажмурилась и на ощупь встала напротив. Стараясь выровнять дыхание, я уговаривала саму себя открыть глаза:

Это неизбежно. Я должна это увидеть снова.

Сжав руками раму, я встретила взглядом со своим отражением. Губы вытянулись в тонкую линию и стали подрагивать. Ещё немного — и по щекам покатятся слёзы. Пальцы сжались, не давая мне снова упасть, тело предательски задрожало.

Мои жалкие надежды рассыпались в прах. То уродство, которое повергло меня в шок, никуда не исчезло.

Больше не в силах смотреть на себя, точнее, на то, что теперь было мной, я развернулась и направилась к дверям.

Только у самого порога я поняла, что на мне нет ни лоскута одежды. Напротив кровати стоял массивный резной шкаф. Я направилась к нему, размазывая катившиеся по щекам слёзы. Распахнув дверцы, чуть не сорвала их с петель. Видимо, адреналин подскочил в крови. И только сейчас я заметила черные разводы на ладонях. Проведя ладонью по щеке, я размазала черные, густые капли.

Не придав этому значения, я скользнула взглядом по полкам. Кроме пары домашних туфель из мягкой кожи, там было что-то из железа, кожи и меха. При всём желании сама бы я это не смогла надеть.

— Ну что ж, негусто. Но что есть, то есть.

Уже во второй раз мне пришлось закутаться в шёлковую простынь и обуть большие не по размеру туфли.

— Элемент постельного белья постепенно превращается в часть моего гардероба, — разговаривая вслух, я пыталась хоть как-то успокоиться и унять слёзы.

Подойдя к дверям, я вздохнула-всхлипнула. Возможно, мне потребуется какое-то время, чтобы их распахнуть. А может, и посторонняя помощь.

Двери выглядели массивно и внушительно. Промелькнула мысль, что я даже выйти не смогу и останусь запертой в

этой проклятой комнате неизвестно на сколько.

Что если тут вообще никого нет и за мной никто не придёт?

Без особой надежды я толкнула дверь вперёд и совершенно не ожидала эффекта, который произвело моё движение. Створки резко распахнулись и через секунду с силой ударились о стену. Я буквально вывалилась из комнаты. Не дожидаясь, пока по инерции они вернутся обратно, я проскользнула дальше, чуть не запутавшись в ткани.

За спиной раздался мощный удар, и дверь захлопнулась. Думаю, моё появление для местных не будет сюрпризом после такого грохота.

Я замерла на несколько секунд, чтобы оглядеться: каменные стены, уходящий куда-то во тьму потолок, паутина и тусклый свет из пары окон. Меня окружал почти осязаемый густой полумрак.

Я резко обернулась. Кроме тьмы, плещущейся по углам, никого не увидела, но ощущение, что за мной кто-то смотрит, не отпускало. Я только сейчас почувствовала запах тлена и сырой земли. Горечь и тоска обволакивали меня, не давая сосредоточиться.

Мне было больно здесь находиться.

За спиной что-то зашевелилось, стали слышны хрипы и перестук когтей. По коже побежали мурашки. Может, мне это всё кажется, но, однозначно, стоит поторопиться и найти выход.

В коридоре других дверей не было, терзаться в муках выбора не пришлось. Почти бегом я двинулась вперёд.

Слава забытым богам, шла я недолго и вскоре слышала приглушённые голоса и стук посуды. На секунду задумалась: стоит ли незаметно, насколько это возможно, попытаться заглянуть в комнату, на которую я наткнулась? Или грохот, который я устроила совсем недавно, и так дал знать о моём приближении?

Возможность встретить здесь хоть кого-то, кто объяснит мне происходящее, заставила отбросить осторожность.

Я оказалась в довольно большом зале. По углам прятались тени, в которых мне снова мерещились шорохи и движения.

Несколько свечей и тусклый свет от единственного окна в пол не давали всему залу погрузиться во мрак. Я успела увидеть огромные гобелены на стенах с оборванными краями. Раскрошенные плиты, как и в моей комнате.

«Моей?» Что за глупость. Здесь нет ничего моего.

В центре стоял длинный каменный стол, по бокам которого тянулись неизвестные мне символы.

Стоило мне переступить порог комнаты как на меня обрушились тоска и безысходность. В голове всё заволокло туманом, и сквозь него пробивались лишь тихие голоса, которые звали с собой. Я будто тонула в манящей тьме, щупальца которой уже почти опутали меня. Тело становилось ватным, желание лечь и уснуть здесь навсегда поглощало.

— И это новая богиня? Пора начинать переживать.- недо-

вольно но все еще очень тихо прошептал парень

— Летт! Её нужно вытаскивать! Она же сейчас растворится и останется здесь навсегда!

— Пришлют новую. — он не шелохнулся.

— А если новая будет как предыдущая? Тебе нравятся пытки?

— С чего ты взяла, что эта не такая? Её жалкий вид ещё ни о чём не говорит.

Ганглатти зашипела на брата и ринулась к девушке. Парень поспешил за ней.

Брат и сестра взяли девушку под руки и потащили к столу. Кое-как усадили её на каменный трон. Служанка разжала будущей богине сомкнутые зубы. Ганглет нехотя достал из-за пазухи флакон, замер на секунду, затем аккуратно откупорил его и влил в рот девушки всего пару капель густой, тёмно-бордовой, почти чёрной жидкости. Затем бережно убрал его за ворот рубашки.

Я закашлялась. Что-то обжигающее текло по губам и огнём разливалось в желудке. Мне сунули ледяной кубок и, подталкивая мою руку, буквально насильно заставили выпить его содержимое. В нос ударил сладковатый запах разложения.

Огонь внутри стих, и я смогла открыть глаза.

Слева от меня стояли двое: высокий светловолосый, почти седой парень и его точная копия, только ниже ростом — девушка. Оба смотрели на меня в ожидании.

Я замерла.

Чёрные нечеловеческие глаза этих двоих, совершенно без белков, напугали меня до дрожи. В горле стоял ком, а щупальца тьмы всё ещё немного кололи кожу.

Ни один из них не шелохнулся. Тишина, которая воцарилась в комнате, стала почти осязаемой. Эти двое всё так же стояли, словно статуи, и абсолютно точно не дышали.

Я не могла выдавить из себя ни слова.

Девушка, видимо, не выдержав, нарушила молчание:

— Приветствую вас, госпожа. Мы с братом рады видеть новую богиню смерти Хель. Ваше царство ждало вас. Клянёмся верно вам служить, как и прошлым воплощениям богини.

Жуткие брат и сестра поклонились мне. Парень сделал это с явным недовольством.

— Меня зовут Ганглатти, а это мой брат Ганглетт. Кроме нас, в Обители находятся души и духи-слуги.

Заметив мой полный ужаса и недоумения взгляд, девушка добавила:

— Не беспокойтесь, вам они не помешают.

Я всё ещё не понимала, чего от меня хотят. И почему называют госпожой и богиней смерти. По телу пронеслась холодная волна, затем ещё одна и ещё. Я плотнее закуталась в простынь.

Жуткие брат и сестра так и стояли в полупоклоне. Видимо, решив что я все еще в шоке и ничего не слышу, парень

зашептал:

— Что происходит? Мне кажется, она не в себе. Достаточно ей захотеть — и всё здесь обратится в прах. — Его голос звучал очень тихо. — Учитывая, что она почти в истерике, такой исход вполне вероятен.

Ганглатти пихнула парня локтем в бок и зашипела на него:

— Ты в своём уме? Что ты несёшь?

Её брат, не меняя позы, ответил:

— А что я несу? Ты видела это? Она вся дрожит, не может ни слова сказать — и это новая смерть? Да её на куски разорвут местные обитатели, как только она выйдет отсюда. — Парень совершенно не стеснялся моего присутствия, но в его голосе чувствовалось напряжение. — Она маленькая, зарёванная, совершенно беспомощная девчонка. Как её вообще сюда занесло? Как Один её одобрил?!

Я замерла.

В голову пришла мысль, что эта ситуация могла бы выглядеть комично, если бы мне не было так страшно. Так странно слышать всё, что они говорят, находясь в метре от меня. Словно я пустое место.

Парень будто оценивал меня и явно был недоволен. Его слова громко повторились в моей голове:

«Беспомощная зарёванная девчонка».

«Один?»

Имя задело что-то в памяти, но тут же испарилось.

Я хотела ответить парню-чудовищу, но меня будто мол-

нией ударило. Мысли наконец выстроились в ряд.

Это было невероятно и просто невозможно, но всё же. Мой внешний вид, пейзаж за окном, это место, эта парочка.

Богиня смерти.

Хель.

Они говорили обо мне.

«Я богиня смерти? Но как это возможно?» «Какая еще богиня!? Их же не существует!»

Губы пересохли, а глаза лихорадочно заматались по залу, словно ища выход.

Сквозь шквал мыслей и эмоций до меня долетели слова:

— Кажется, Норны в этот раз схлтурили, — продолжал негодовать парень. — Что, кстати, удивительно. Это ведь судьба и всё такое. Как «эта» может быть богиней смерти?

— Ох, Хел, тебе когда-нибудь вырвут твой язык. Хотя по-стой... ах да, его уже вырывали. И неоднократно. Когда-нибудь твоё везение закончится и с тобой сделают что-нибудь похуже.

Я опустила взгляд в пустое блюдо перед собой, уставившись в одну точку. Виски заломило, руки вцепились в края каменной столешницы. Я всё ещё слышала тихие голоса, но уже совершенно не различала, что они говорят.

В голове бились одни и те же слова:

«Беспомощная девчонка. Богиня смерти».

Голос парня будто двоился, превращаясь в десятки других голосов, которые повторяли одно и то же. Напряжение

нарасталло внутри и искало выход. Мышцы рук свело. Под пальцами крошился камень, и его осколки падали мне на ноги, врезаясь в кожу. Из глаз потекли слёзы. Чёрные капли падали на серебряное блюдо, гулким эхом отдаваясь в ушах. Из отражения на меня смотрели безжизненные глаза и белые кости.

Голоса звучали всё громче. Они дробились и множились. Уже сотни разгневанных женщин рычали, выли, словно пытаясь разорвать мою голову на куски.

Я больше не могла сдерживаться.

Жутко, пронзительно и невероятно громко я закричала.

Мой крик пронёсся по всему залу, сметая и разбивая всё вокруг. Гобелены затрещали, разрываясь и превращаясь в лохмотья. Почти видимая волна разбила вдребезги остатки витража в окне напротив. Краем сознания я заметила, как красиво переливаются цветные осколки, падая на тёмный пол. Будто вторя мне, где-то в бесконечной безжизненной равнине раздался жуткий нечеловеческий вой. Небо почернело, и в нём заметались молнии, хаотично ударяя в мёрзлую землю.

Мощный порыв ледяного ветра ворвался в зал. Разметав на своём пути осколки и моих слуг, он направился ко мне.

Тело обдало холодом. Ткань, которая чудом всё ещё держалась на мне, затрещала под натиском порыва.

Всё закончилось так же резко, как и началось.

Захлёбываясь мёрзлым, но свежим воздухом, я перестала

кричать. Каменная пыль медленно оседала на пол. В последний раз вспыхнула молния и исчезла в чёрных тучах.

Снова ни звука, ни лёгкого дуновения ветра.

Всё тело колотило от перенапряжения. Опустив взгляд на свои руки, я увидела, что осколки камня впились в ладони.

Так странно: вместо красной крови по пальцам текла густая чёрная смола.

Откинувшись на каменном троне, я прикрыла глаза.

Жуткий холод и пустота внутри. Вот и всё, что я сейчас ощущала. Наконец напряжение и рвавшиеся наружу эмоции покинули меня.

Почувствовав движение где-то слева, я с трудом повернула голову.

— Госпожа, — выдохнула Ганглатти, отряхивая кожаные штаны и направляясь ко мне.

На лице девушки читалось беспокойство, а где-то в уголках глаз притаился страх. Служанка моргнула, и на её губах появилась лёгкая, печальная улыбка.

— Позвольте мне ваши руки.

Механически я протянула ей ладони. Девушка аккуратно стала вынимать осколки.

В этот момент её брат тоже поднялся на ноги. Взгляд его чёрных глаз на секунду встретился с моим. Мне показалось, что он смутился.

— Летт, очнись. — Служанка зло посмотрела на брата. — И принеси плащ для госпожи.

Парень резко развернулся и куда-то ушёл.

Я только сейчас поняла, что осталась обнажённой. Моя «одежда» после всего, что сейчас случилось, разорвалась на тонкие лоскуты и осыпалась.

Я совершенно не чувствовала холода.

Девушка легонько сжала мои пальцы. Как только она вытащила все осколки, я попыталась обнять себя руками, прикрывая грудь.

Наконец появился Ганглетт и протянул сестре что-то бесформенное, иссиня-чёрное, переливающееся серебром.

Девушка приблизилась ко мне и помогла встать. Когда я укуталась в плащ, стало немного лучше. Теперь я хотя бы не испытывала стыда.

Пожалуй, это не самое главное, что должно меня сейчас беспокоить.

— Госпожа?

Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что от меня ждут реакции. Кивнув, я снова опустилась на каменное сиденье и уставилась вперёд. Взгляд медленно скользил по унылому пейзажу, снова замёрзшему и статичному. Мысли роем жужжали в голове, сталкиваясь друг с другом и порождая всё новые. Мне потребовалось немало усилий, чтобы ухватить хотя бы некоторые из них и попытаться осознать.

Воплощения? Кто это или что?

Боги. Они действительно есть?

Но ведь они покинули нас.

Да и были ли они вообще?

И если да, то им, видимо, действительно нет никакого дела до людской жизни.

Единственное, что ещё напоминало о богах на Мидгарде, — это храмы, ставшие памятниками архитектуры. В некоторых из них всё ещё встречались жрецы. Одни действительно верили и старались помочь тем, кто не мог найти другой опоры для себя в этой жизни. Другие — куда же без них — просто пользовались людской растерянностью и горем, набивая себе карманы за их счёт.

Мне стало жутко.

Главное — во всём этом ворохе образов не было ни одного воспоминания о моей жизни. Даже имени. Только смутное видение, которое уже почти стёрлось из памяти после сна, билось где-то на краю сознания.

Перед моими глазами туда-сюда сновали жуткие брат с сестрой, приводя зал в подобие порядка. Я даже не заметила, как постепенно стол очистился от осколков и кусков камня.

Я продолжала сидеть неподвижно и пыталась осмыслить всё то, что сейчас произошло. Первый шок постепенно отступал.

Боги не просто существовали — я стала одной из них.

*Один - один из главных богов скандинавской мифологии, верховный бог из рода асов.

*Норны - в скандинавской мифологии женские существа,

связанные с судьбой людей и богов.

Глава 4 Первый символ власти

Сон всё ещё путался в голове: я стояла в темноте, и чьи-то холодные пальцы тянули меня за запястье всё глубже, туда, где не было света, не было ничего. Я пыталась вырваться, но хватка становилась только крепче, а потом совсем рядом раздался тихий мужской голос:

— Не бойся.

Я резко села на кровати, сжимая простыню. В спальне было пусто. Ни чужих рук, ни человека, которому мог принадлежать голос, ни хотя бы мерзкой твари, решившей разнообразить моё посмертие. Только серая хмарь Хельхейма пробивалась через полуразрушенную стену. Несколько секунд я просто сидела, пытаюсь окончательно прийти в себя, надеясь, что сейчас открою глаза ещё раз и всё это исчезнет.

Я всё ещё была здесь.

По полу прошла едва заметная волна вибрации. Кончики пальцев начало покалывать. В ушах появился белый шум; кто-то шептал мне сквозь камни, зовя куда-то вниз, на глубину. Гул снова шёл из-под плит, как тогда в зале. Будто сердце этого мёртвого мира билось у меня под ногами.

— Ганглатти, — позвала я дрожащим голосом.

Ответа не последовало.

— Латти?

Снова тишина.

Что ж, логично, не будет же она стоять у меня под дверью всё время. Я осторожно спустила ноги с кровати и только тогда увидела возле стены низкую каменную тумбу, на которой лежала аккуратно сложенная одежда. Странно, что я её не заметила в прошлый раз. Новый наряд мне однозначно нравился больше. Не хотелось бы снова щеголять в простынях. Или вообще голой. Кожаные штаны, чёрная рубашка с воротником-стойкой и такой же чёрный кожаный жилет, который переливался, как чешуя змеи. Я прикрыла глаза и дёрнула плечами.

-Ненавижу змей.

Фраза сорвалась сама собой, я даже не успела её осмыслить. Почему я их ненавижу? Не помню.

Сверху на всём этом лежал чёрный обруч. Весьма странное украшение. Хотя что ещё может носить богиня смерти? Закончив с облачением, я потянулась к обручу. Стоило мне взять его в руки, как металл зашевелился и потёк между пальцев. Потом он скользнул по руке к шее. На мне было что-то живое, скользкое. Внутри разрасталась паника. Когда я пыталась стянуть этот ошейник, он ещё сильнее обхватил мою шею. Я пыталась ухватиться за ткань, но та выскальзывала из пальцев.

Да что же это за мерзость!

Стоило крепче сжать полоску металла, как спальня исчезла.

Резкая боль пронзила грудь, а во рту появился металли-

ческий вкус крови. Я чувствовала, что мои рёбра сломаны, слышала собственный хрип.

Я зажмурилась.

Чья-то тёплая ладонь сжимала свободную руку, пока дыхание становилось всё реже. Страх не было, только спокойствие и странное облегчение. Последний выдох — темнота.

Меня качнуло.

Следом пришла вода. Лёгкие горели, руки отчаянно тянулись вверх, но поверхность становилась всё дальше.

Меня выбросило на холодное поле боя, где вокруг звенела сталь и кто-то кричал.

Боль.

Страх.

Ярость.

Ощущения затопили меня, голова кружилась, я еле стояла на ногах.

Стоило мне разжать пальцы, как всё прекратилось. По телу ещё шла пульсация, и я снова ощутила, как живая металлическая полоска сжимает моё горло. Металл потёк, отпуская шею. Эта змея заползала мне на грудь, плечи, скользя своим холодным склизким телом, двигаясь по руке к бёдрам. Она изучала меня как свою жертву. Затем украшение снова вернулось на шею, сливаясь в сплошную полосу чёрного ме-

талла. Я оцепенела, боясь пошевелиться, судорожно глотая воздух.

Только через несколько мгновений до меня дошло, насколько это странно. Ладонь сама легла на грудь: ничего. Ни одного удара.

Я обхватила запястье правой руки. Нашупала место, где должна была пульсировать лучевая артерия: тишина.

Откуда я вообще знаю, где её искать? Как я раньше не заметила? Снова подступили предательские слёзы. Я моргнула и стёрла их рукой. Хватит уже бежать и делать вид, что всё образуется.

От новых переживаний отвлёк гул под ногами, который стал сильнее. Вместе с ним вернулся шёпот, в котором по-прежнему нельзя было различить слов, но теперь к нему пришивалось совершенно ясное чувство ожидания.

Я зачем-то снова потянулась рукой к странному украшению на шее. Ну и дура же.

И это повторилось.

Эта тварь душила меня. Только теперь я не могла разжать руку и оказалась прикована к обручу на шее.

Человек лежал на снегу, а над ним кто-то кричал.

Женщина смотрела на своё отражение в больничном окне и не понимала, почему вокруг столько людей.

Старик падал с лестницы.

Мальчик захлёбывался собственной кровью.

Раздался стук в дверь.

— Госпожа, могу ли я войти?

— Латти... я не... могу... пожалуйста... — Язык еле ворочался. Я ощущала себя статуей. — Оно... шевелится. Помоги мне...

Двери распахнулись, и служанка бросилась ко мне.

Ганглатти подхватила меня под локти прежде, чем я окончательно осела на каменный пол. Её ладони были холодными, возвращая реальность на место, вытаскивая меня из омута чужих ощущений.

— Оно... — я пыталась разжать руку, но металлическая полоска снова сомкнулась на шее и не отпускала. — душит меня...

Стальной обруч без застёжки. Гладкий. Замкнутый. Он плотно прилегал к коже, словно всегда был там.

— Госпожа, успокойтесь. Постарайтесь успокоиться. — Слегка повысив голос, Латти испуганно сжалась.

— Я... не могу. Латти... не могу. Сними его с меня. Сними...

— Я... Я не знаю, что делать. — Губы девушки дрожали. — Я никогда не присутствовала при приобретении одного из символов власти. Сейчас, сейчас я позову Летта.

— Нет, не... бросай... я...

Девушка кинулась к распахнутым дверям, её голос эхом отдавался в коридоре. Давление всё росло и росло, грудь перестала сжиматься. Глаза закрыло мутной пеленой.

«Не сопротивляйся». «Хель, возьми себя в руки уже».

«Бедная». «Скучно, надеюсь, этот металлический змеёныш справится с ней».

— Заткнитесь!

— Госпожа? — Летт рухнул рядом со мной на колени.

— Не ты, — хрипло отозвалась я.

— Закройте глаза, представьте, что вы оказались на равнине Хельхейма. Вы одна, не слышно ни одного звука. — Голос Летта иглой врезался в голову. Он положил руки мне на плечи и с силой их сжал. — Сосредоточьтесь. Представляйте равнину.

«Я сразу справилась». «Врёшь».

Я уже не могла ответить даже голосам в голове.

— Летт, сделай же что-нибудь!

— Откуда я знаю, что делать?! Я похож на опытную богиню смерти?! — Летт морщился и шипел на сестру, но при этом его немного потряхивало от напряжения. — Равнина. Хельхейм... Ещё и ещё. Ну же! — Сделав глубокий вдох, он замахнулся. — Я пытался обойтись без этого, надеюсь, вы меня простите, — шёпот на грани слышимости.

Затем моя голова мотнулась, кожу на щеке обожгло. Металлический обруч немного ослабил хватку на моей шее. Наконец-то. Я открыла рот, как рыба, выброшенная на берег. Я испытала облегчение и благодарность, но в то же время во мне поднялась волна возмущения и злости.

Он ударил меня!

Железная тварь, скользя по телу, дёрнулась к Летту.

«Что тут у нас? — мягкий мужской голос вдруг появился в моей голове. — Я думал, всё пройдёт легче. Ну что ж, я помогу. Будет грустно потерять тебя в самом начале. Но только в этот раз».

Нежность скользила в каждом его слове. В голове стало проясняться, моя рука дёрнулась за обручем. Я успела в последний момент, ещё немного — и этот металлический змеёныш впился бы Летту в горло. Но он только оцарапал кожу.

— Ко мне!

«Дорогая, нужно быть жёстче. С некоторыми работает только сила и жестокость».

— Я сказала, ко мне!

Прилагая все свои силы, я намотала обруч на руку. Моё тело ощущалось немного чужим. Я не успела ничего понять, как ошейник снова прильнул к шее и впился в кожу раскалённой ледяной иглой. Через мгновение он отпустил меня. От украшения шли волны ненависти и гнева. Словно я только что отняла у него добычу, которая уже принадлежала ему.

Голос моего безумства снова появился в моей голове, стоило мне выдохнуть и решить, что всё закончилось. Его тон резко изменился:

«Тише, маленькая богиня. Не сопротивляйся всему сразу. К сожалению, это повторится ещё не раз».

Кто ты?

«Пока просто друг».

Друг?

Голос ничего не ответил.

Туман перед глазами расступился. В комнате царила мёртвая тишина. Только за дверью ощущалось чьё-то присутствие и голоса на грани слышимости. Летт стоял на одном колене и одной рукой сжимал левое плечо, а другой упирался в пол. Седые волосы закрыли лицо. Он не двигался. Латти всё так же стояла у зеркала, прижимая руки к груди. Я выдохнула с облегчением, хорошо, что её не задело.

— Летт? — Я протянула руку в его сторону. Голос был тихим и слабым.

Латти резко дёрнулась, но тут же остановилась. Будто сама испугалась своего движения и опустила руки.

— Госпожа, простите меня. Я лишь хотел вам помочь. — Парень всё так же стоял неподвижно. Голос был глухим и испуганным. — Я понимаю, что это непростительно. Я полностью в вашей власти.

Наконец-то я ощутила своё тело. Странное наваждение прошло. Проведя руками по лицу, словно стягивая липкую паутину, я оглядела комнату. Кроме меня и брата с сестрой, здесь больше никого не было.

Слуги всё так же не шевелились.

Так, ладно. Главное — не паниковать, позже разберусь с... с чем? Может, сумасшествие уже начало меня поглощать? Ещё один голос в копилку моего безумия.

— Мы можем обсудить произошедшее? — Мой голос снова дрожал.

Латти подошла и помогла мне встать. Я успела заметить страх в её глазах.

— Что это за мерзость и что теперь с этим делать? - я посмотрела на своих, так называемых, слуг. — И главный вопрос. Как это снять?

Ошейник вдруг стал тяжелее. Где-то на самой границе сознания возник чужой страх, настолько отчётливый, что я на мгновение забыла, о чём спрашивала.

— Госпожа? С вами всё в порядке?

— Кажется, только что кто-то умер.

*Хельхейм - царство мертвых в скандинавской мифологии

Глава 5 Убийца поневоле

Дэвид сидел на узкой металлической койке, уткнувшись локтями в колени.

Лампа под потолком гудела монотонно и раздражающе, но за последние недели он успел к этому привыкнуть.

Он уже не мог точно сказать, сколько находился здесь. Две недели? Три? Может больше. В тюрьме время превращается в вязкую кашу: оно растягивается, липнет к мыслям и перестаёт двигаться.

Стоило закрыть глаза, как всё повторялось. Снег в свете фар. Заснеженная дорога. Фигура девушки впереди. Её глаза.

Дэвид с силой провёл ладонями по лицу.

За эти недели он перебрал случившееся сотни раз, пытаясь найти хотя бы одно объяснение, которое не звучало бы как бред человека, не способного принять собственную вину. Он видел её заранее. У него было время затормозить.

Было.

Он ведь пытался, точно пытался. Но не мог. Тело почему-то не слушалось. Даже руки на руле словно налились свинцом.

Он сотни раз спрашивал себя, что там произошло. Шок от утраты, сильное истощение и недосып? Что, мать твою, там произошло?!

Дэвид вспоминал день перед аварией. Тогда он почти не спал несколько ночей. Просыпался от ощущения, будто в комнате кто-то есть, слышал непонятные звуки, его мучили кошмары. Но разве дело было в этом?

Дверь камеры лязгнула.

Дэвид поднял голову.

— Вставай, — сказал охранник. — У тебя посетитель.

Металлические наручники привычно защёлкнулись на запястьях.

Комната для встреч была маленькой. Металлический стол был прикручен к полу, по обе стороны стояли два стула, а под потолком в углу горела красная точка камеры наблюдения.

Когда дверь открылась, в комнате сидел мужчина, который не был знаком Дэвиду. Он остановился в нескольких шагах от стола. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Лицо мужчины было неподвижно. Глаза красные, отросшая щетина, мятая одежда и пальцы, так сильно сжатые в кулаки, что костяшки побелели.

Охранник подтолкнул Дэвида к стулу.

— Садись.

Мужчина не сводил с него взгляда.

Дэвид сел напротив, положив руки, закованные в наручники, на стол.

Мужчина продолжал сверлить его взглядом, но так и не

сказал ни слова.

— Простите, я вас не знаю. Поэтому не могли бы вы...

— Я хотел увидеть тебя. — Голос звучал глухо и хрипло. Мужчина откашлялся. — Посмотреть тебе в глаза. — Моя жена погибла из-за тебя. Её звали Кая. — Он произнёс имя осторожно. Почти бережно. Эти слова дались ему тяжело. Мужчина вздохнул и потёр глаза руками. Слова упали на железный стол, рассыпавшись горстью игральных костей. Каждая кость с громким стуком катилась по столу, отдаваясь эхом в голове Дэвида.

Кая. Теперь у девушки на дороге было имя.

— Она только стала практикующим врачом. — Он замолчал на секунду, пытаясь взять себя в руки. — Она могла бы спасти жизни людей. Она так хотела помогать людям. — Он резко ударил кулаком по столу. Металл глухо звякнул. — Но ты убил её! — Его голос сорвался на крик. Он ткнул пальцем в Дэвида. — Она только начала работать врачом. Ты хоть понимаешь, сколько людей она ещё могла спасти? Сколько лет у неё было впереди? Ты отнял не только её жизнь.

Слова резали воздух. Дэвид сжался в ожидании новой вспышки гнева. Мужчина тяжело дышал.

— Ты отнял у меня жену, ты отнял нашу с ней жизнь. — Он сглотнул. Его лицо исказилось.

Стул резко скрипнул.

Мужчина вскочил.

— Надеюсь, ты будешь помнить её лицо до конца жизни!

Дэвид не успел ничего сказать.

Мужчина рванулся к нему через стол. Кулак врезался ему в лицо.

Удар был настолько сильным, что стул опрокинулся.

Дверь распахнулась. В комнату ворвались охранники. Один схватил мужчину, заламывая ему руки за спину. Второй поднял Дэвида.

— ОТПУСТИТЕ МЕНЯ!

— Успокойтесь!

Охранники потащили его к двери.

Мужчина всё ещё кричал.

— Мразь! Ты должен сдохнуть!

Его голос резко оборвался. Дверь захлопнулась.

В комнате снова стало тихо. Охранник уже взял Дэвида под локоть, когда в коридоре появилась женщина в сером костюме.

— Подождите.

Охранник остановился.

Дэвид повернул голову.

Женщина показала ему какую-то карточку. Слишком быстро, чтобы Дэвид успел разобрать имя или печать.

— Государственный защитник. Мне назначена встреча с задержанным.

Охранник нахмурился.

— Сейчас? Меня об этом не предупреждали.

Женщина посмотрела на него.

Через несколько секунд выражение лица мужчины стало пустым.

— Пять минут, — произнёс он совершенно другим голосом и вышел.

Дэвид не успел ничего сказать, как женщина. В обычном сером деловом костюме. Спокойная. Непроницаемая. Её волосы были седыми, а в глазах — холод. Они смотрели сквозь него. Насколько смог определить Дэвид, ей было около тридцати.

Она улыбнулась.

— Неприятная сцена. — Голос был мягким, тихим. — Жаль этого мужчину. — Её губы скривились. — Перейдём к делу. Я ваш адвокат, предоставленный государством.

Дэвид продолжал её разглядывать. Чем дольше он всматривался в её лицо, тем сильнее ему казалось, что он уже где-то видел её.

Но где?

Вдруг женщина направилась к нему. Медленно. Плавно. Один взгляд на камеру наблюдения — и красный огонёк погас.

— Надеюсь, вы же понимаете, что это просто формальность? За убийство, пусть и непреднамеренное, вы в любом случае получите наказание. Пусть и несправедливое даже на мой вкус.

— Вы ведь из похоронного бюро? Но... что тогда тут...

Она улыбнулась.

— А вы внимательный.

С каждой секундой Дэвиду становилось не по себе.

— Я ведь могу отказаться от адвоката? Пожалуй, я так и сделаю. Охрана!

— Увы. От меня вы отказаться не можете.

Она оказалась рядом с Дэвидом. Он автоматически повернул к ней голову.

Взмах руки. В её пальцах блеснуло тонкое лезвие.

Дэвид не успел отреагировать.

Холодная сталь коснулась его горла. Кровь хлынула мгновенно. Вспышка боли, отвратительный звук булькающей крови в горле. Дэвид попытался вырваться из рук женщины, но она ещё сильнее сжала его плечи.

— Жаль тебя, конечно... — Вкрадчивый шёпот где-то на краю сознания. — Впрочем... не очень. Благодаря тебе, смертный, скоро всё изменится.

Холод пришёл первым. Затем Дэвида окутал страх. На мгновение он решил, что всё ещё в комнате для допросов. Та же тишина. Та же неподвижность.

Он падал. Темнота вокруг была густой, как смола. Она тянулась бесконечно во все стороны. Только падение. Ветер рвал одежду, бил по лицу, выворачивая руки.

Рука автоматически потянулась к шее. Кровь также лилась из раны. Он попытался закричать — но из горла вырвалось только мерзкое бульканье.

Падение ускорилось. Он начал различать какие-то звуки.

Сначала совсем тихо. Потом всё громче.

Хруст ломаемых костей, через который пробивались тысячи голосов. Этот хор боли поднимался снизу, как рёв бушующего моря в шторм. Безысходность, отчаяние, животный страх. Все эти чувства захлестнули Дэвида.

Тёмная муть под ним шевелилась. Шла волнами. Руки. Сотни рук. Тысячи. Им не было конца.

Бледные. Чёрные. Изломанные. Костлявые. С кусками гниющей плоти. Они тянулись вверх. К нему.

Падение почти прекратилось, совсем близко Дэвид увидел еле различимые черты лиц людей. Точнее, то, что ими когда-то было. Глаза безумные. Кожа разорвана. Рты раскрыты в бесконечном крике. Они карабкались друг по другу, пытаясь выбраться из ямы. Стоило им уцепиться за край, как кто-то сталкивал их назад, занимая место и так же пытаясь выбраться. И так происходило снова и снова. Под этой кучей полуживой плоти что-то ползло и утробно рычало.

Руки схватили его сразу. За плечи. За ноги. За одежду. Они рвали его, тащили вниз. Его крик утонул в общем рёве.

Последнее, что он увидел наверху, прежде чем чужие руки сомкнулись над его лицом, был серый туман.

Царство мёртвых приняло ещё одну душу.

Глава 6 Наследие мертвецов

Мы вошли в уже знакомую мне залу, где ничего не изменилось. Всё то же уныние и разруха.

Серая дымка стелилась по полу, не решаясь подняться выше щиколоток. Разбитое витражное окно всё так же зияло рваными краями, за которыми тянулась мёртвая равнина — бесконечная, плоская, без единого движения.

У окна, опираясь плечом о стену, стоял уже знакомый мне мужчина с кубком в руке. Свет из пролома в стене падал на его лицо, высветляя слишком правильные черты. Золотистые волосы казались почти живыми на фоне общей серости.

Он медленно обернулся, отвешивая поклон.

— Моя госпожа, — произнёс он мягко. — Признаться, я с нетерпением ожидал вашего появления. С вами всё в порядке?

Я остановилась в нескольких шагах от него.

— Здесь ничего не в порядке. Меня чуть не задушило это милое украшение.

Уголок его рта дёрнулся.

— Значит, утро прошло насыщено.

Его тон и улыбка на губах приводили меня в ярость, которую я старалась сдерживать. Меня чуть не задушили, а он говорит об этом с лёгким пренебрежением. Мне захотелось задеть его в ответ.

— Ты слишком живо выглядишь для этого места.

— О, поверьте, это многих раздражает.

Моя колкость не достигла цели. Бальдр сделал глоток из кубка и поморщился.

— Мёртвое вино. Даже не хочу думать, из чего оно сделано. Или из кого.

Воспоминание о том, что мне тоже давали что-то выпить из кубка, я сразу отогнала прочь.

Ганглетт тихо занял место сбоку, чуть позади меня, одновременно с ним Латти встала с другой стороны. Я заметила, как она мельком взглянула на Бальдра и затем опустила взгляд.

— Ты знаешь, что это? — Злость на светлого никуда не делась. Мне с трудом удавалось говорить ровно.

Его взгляд скользнул по мне, задержался на чёрном металле вокруг шеи и сразу стал серьёзнее.

— Ну... скажем так. Я знаю, что есть несколько символов власти. Это — первый. Мои познания не очень обширны.

— Расскажи хоть что-то. Пока что остальные знают либо ещё меньше, либо прекрасно умеют делать вид, что не знают вообще ничего. — Я сама удивилась, насколько холоден был мой голос.

Жуткая парочка продолжала хранить молчание.

Ещё совсем недавно я цеплялась за них обоих как за единственных существ, способных объяснить происходящее, а теперь они стояли рядом и явно опасались лишний раз от-

крыть рот.

Бальдр поставил кубок на край стола.

— Это первый символ вашей власти. Он связывает вас с душами, пересекающими границу между жизнью и смертью. Поэтому вы их чувствуете.

— Первый? Неужели мне ещё предстоит пережить что-то подобное? — Судя по взгляду Бальдра, он понятия не имел, о чём я. Перед глазами сразу возник мальчик, захлёбывающийся кровью.

— Что пережить?

— Не твоё дело. Выкладывай то, что знаешь, и замолкни.

— Летт цедил слова сквозь зубы. Его глаза сузились, а рука сжала плеть, но лишь на мгновение. — Простите, госпожа, что вмешался. — Он снова поклонился и застыл.

— Продолжай, Бальдр.

— Не моё так не моё. — На удивление легко согласился сияющий бог. — Я видел, как предыдущая Хель могла среди множества душ найти одну определённую, почувствовать, откуда она пришла, иногда даже остановить её прежде, чем та окончательно попадала сюда. Но как именно она это делала, я не знаю.

Бальдр оттолкнулся от стола и медленно двинулся по залу.

— Я всегда буду это чувствовать?

Светлый только открыл рот чтобы ответить, но тут вмешался Летт. Его голос был тих и сдержан. Было видно, что сцена в спальне всё ещё беспокоила его. И, если честно, эта

пощёчина... не отпускала и меня. Щека всё ещё горела, после его удара. Я понимала, зачем он это сделал. Более того, если бы он не ударил меня, я, возможно, сейчас вообще не стояла бы здесь. Но эмоции не отпускали меня: возмущение, злость, даже гнев.

Ошейник похолодел и зашевелился. Я постаралась успокоиться и прекратить внутреннюю борьбу с самой собой.

— Пршлое воплощение богини, когда оно уже вошло в силу, ощущало только отголоски смертей. — Летт выглядел виноватым и говорил, глядя в пол. — Ей помогало оставаться одной на равнине. Я пытался вам помочь таким способом, как делала она. И ещё, она спасалась тем, что... сражалась в Яме выплёскивая силы.

Я медленно вдохнула, успокаиваясь и останавливая слёзы. Хотя уже знала, что воздух мне не нужен. Странная привычка тела, которого, по большому счёту, больше не существовало.

— Скорее уж любила. Говори честно. Ей нравилось мучить души грешников. И не только. — Голос Бальдра вернул меня в ненавистную реальность.

— Так. Стоп. Яма?

— Место, куда вам пока совершенно не обязательно спешить. Там слишком... — светлый бог замялся, — негостеприимно.

Я даже не нашлась, что ответить. Может, и правда? Пока что достаточно с меня впечатлений.

На секунду его лицо стало неподвижным.

— А ты, как ты сюда попал? — Я решила перевести тему. Этот вопрос я хотела задать ещё вчера. Но вокруг постоянно что-то происходило.

— Пршрое воплощение бога Бальдра погибло в Асгарде, — произнёс он почти буднично. — Его смерть была красива, если верить легендам. Омела, всеобщее горе, слезы, трагедия космического масштаба.

Он слегка повёл плечом.

— А мне... просто не повезло. Моя смерть была намного прозаичнее. И что самое забавное, я её даже не помню. Единственное, что осталось, — это был дождь за окном, холод, запах лекарств. Вот и всё. — Злая усмешка исказила его рот.

Мужчина посмотрел прямо мне в глаза.

— Я проснулся уже здесь. Без выбора. Без почестей. Просто — открыл глаза и понял, что обречён, и моя жизнь, как и смерть, больше мне не принадлежит.

— Ты ведь был человеком? — тихо спросила я.

— Был, — коротко ответил он. — Потом стал вместилищем. Новым сосудом для воплощения бога. У нас всех такая история. Кто-то дольше является воплощением, кто-то относительно недавно им стал, а кто-то, — он выразительно на меня посмотрел, — только что.

— Иронично, правда? Бог света, запертый в царстве тьмы и смерти. — Он усмехнулся.

— Мы теперь здесь навсегда, да? — спросила я.

— Нууу... навсегда — это слишком долго, с учётом наступающих событий. Но исчезнуть уже сейчас я бы не хотел. Тем более даже богиня смерти не знает, куда дальше отправляются души. А я, видите ли, ещё хочу пожить. — Он на секунду запнулся. — Ну... насколько это возможно.

Снова вернувшись к столу, Бальдр поднял кубок и опрокинул в себя всё его содержимое.

— Что может быть лучше, чем пить мёртвое вино и любоваться этим восхитительным видом? — Он кивнул на разрушенное окно. — Почти романтика.

— Хватит паясничать, — Летт раздражённо выдохнул. — Когда ты уже перестанешь изображать шута?

— Летт, не надо. Госпожа, простите. — Бедная Латти металась взглядом от брата ко мне и обратно.

Пожалуй, только из-за неё я смогла сдержать накатывающее раздражение.

— А когда ты перестанешь быть идиотом? — Бальдр прищурился. — Вот видишь. Ни ты, ни я не сможем ничего поделать. — Светлый бог развёл руки.

— Хватит, — мой голос прозвучал твёрдо и неожиданно властно. — Я не закончила разговор.

Снова повернувшись к Бальдру, я задала вопрос, который беспокоил меня саму:

— Ты помнишь своё имя?

Бальдр медленно повернул ко мне голову. Улыбка сникла,

глаза потускнели. Мужчина разом как-то обмяк.

— Нет. Точнее, раньше помнил, вроде. Иногда появляются смутные отрывки прошлой жизни, но их невозможно разобрать.

Он помнил хотя бы что-то. Мне же и это было недоступно.

«Вот же Хел, хватит разводить сопли-слюни». «Как же скучно». «Можно нам другое воплощение?»

Я постаралась не обращать внимания на эти мерзкие голоса в голове.

— Тебе страшно?

Он посмотрел на меня внимательнее, чем прежде:

— Страшно было первое время. Потом — отчаянье, тоска, скука. Иногда мучения и боль, но к этому я почти привык. Теперь мне наконец-то любопытно.

— Любопытно? — Его приятельская манера разговора начинала меня раздражать.

— Да, — он улыбнулся уже без насмешки. — Ваше появление, госпожа, явно принесёт нам всем новые приятные эмоции. — Он снова поклонился.

Повисла пауза. Слуги также молча стояли рядом со мной. Вопросов становилось всё больше и больше. Они жужжали в моей голове, словно десятки насекомых, которые скребли своими лапками мою черепную коробку, пытаясь выбраться наружу.

Я схватилась руками за голову и сжала её. Слишком много вопросов. Слишком много боли и страха. Слишком. Для

меня это всё слишком.

Жужжание всё нарастало. Я почувствовала, как ошейник едва заметно пульсирует. Он сжал шею и тут же отпустил, словно почуял что-то знакомое, близкое.

— Госпожа, я отвечу на все вопросы, точнее, на те, на которые смогу. — Голос Бальдра еле пробивался через шум. — Госпожа? Хель? С вами всё в порядке?

— Не знаю, мне трудно открыть глаза. — Продолжая сжимать голову, я рухнула на колени. В который раз.

В голове становилось всё громче от звуков. Далёкий рой насекомых. Потом — шёпот. Десятки голосов: гнев, злость, безумие, страх, жестокость. Волна ощущений погребала под собой, затягивая на глубину.

Чужие слова накладывались друг на друга, иногда спорили, иногда смеялись. Я уже знала эти голоса и всё равно не могла привыкнуть к тому, что каждый из них когда-то принадлежал женщинам, носившим моё имя.

Хель.

Смазанные картины проносились перед глазами: снег; кровь на буром мехе; чьи-то пальцы в золотых кольцах. Женский смех, резко обрывающийся криком. Лица людей, превратившиеся в кровавое месиво. В моей руке копьё. Я бросаю его снова и снова. Люди кричат, падают навзничь. Животный азарт. Жажда. Вкус крови на губах. Огромные горящие мёртвыми зелёными огнями глаза. Меня буквально трясёт от переизбытка силы и возбуждения.

Сквозь гул голосов и ощущений я слышала приглушённые голоса. Латти бросилась ко мне, чтобы помочь, но почему-то в последний момент отшатнулась. Бальдр и Летт тоже пытались подойти. Наверное.

«Они совершенно бесполезны, никчёмные рабы».

«Будет больно» — уже знакомый голос вернул меня в омут образов.

Сочувствие и одновременно предвкушение звучали в этом «будет больно».

Кости затрещали от сильного удара плетью, которая своими кожаными языками располосовала тело, разваливая его на куски, выворачивая наружу. Ослепляющая боль вытеснила всё: голоса, чьи-то воспоминания, картины прошлого или будущего. Остались только раскалённые нити, пронизывающие всё тело, с каждым разом доставляя извращённое удовольствие, переходящее снова в сладкую боль. Мне хотелось упасть на колени и молить, чтобы опять ощутить этот прилив болезненного удовольствия. Я распахнула глаза, но ничего не увидела. Дорожки слёз прожигали кожу до кости. Вокруг был туман и сладкие волны, которые заставляли кипеть кровь и открывать рот в немом крике. Женщина, чьё воспоминание я переживала, хотела ещё.

— Хватит. Пожалуйста!

Возвращение в реальность было мгновенным, резким. Это не мои ощущения. Это не я стояла на снегу, не я получала удовольствие от боли.

Мне стало жутко.

Я снова чувствовала, как осколки камня впиваются в колени, руки висят плетью вдоль тела, всё ещё немного дрожа, голова запрокинута к потолку. Наконец-то мутная пелена спала с глаз. Опустив голову, я ожидала увидеть испуганные, непонимающие взгляды, что кто-то пойдёт мне навстречу. Но передо мной были только согнутые в поклоне три изломанные фигуры. Их что-то прижимало к полу, не давая поднять даже голову.

— Что... происходит?

Латти находилась в нескольких шагах от меня, согнувшись так низко, что волосы почти касались пола. Рядом на одном колене стоял Летт, обеими руками упираясь в камень, будто на его плечах лежало что-то тяжёлое.

Бальдр был дальше всех. Он с трудом поднял на меня глаза.

— Госпожа. Мы пытались вам помочь, простите.

— Простите?..

Только сейчас до меня дошло. Это я. Это моя сила их удерживала. За что? За помощь? Тело среагировало без меня, пригвоздив слуг к полу. Разве они угроза?

Я наконец-то поняла, «что» я такое, точнее, чем стала. Все эти сцены, куски воспоминаний. Я помнила вкус чужой крови и удовольствие от боли, которой никогда не испытывала. Помнила лица людей, которых никогда не встречала. Всё это принадлежало другим женщинам.

Я мотнула головой и приложила руки к вискам. А если все эти богини и есть теперь «Я», которая встроилась в этот мир и начинает жить по его законам. Но ведь осталась и та вторая. Та, что не желает признавать произошедший с ней ужас и ждёт, что её всё-таки спасут. Кто-то придёт и заберёт её отсюда.

— Встаньте.

Латти первой качнулась в сторону, но удержалась. Летт медленно поднялся, не сводя с меня глаз. Бальдр оставался на одном колене ещё несколько секунд, словно проверял, действительно ли снова может двигаться, а затем тоже встал.

На одно короткое мгновение, когда трое стояли передо мной на коленях, мне понравилось ощущение власти. Эта неожиданная мысль выбила меня из колеи.

«А стоит ли сопротивляться?»

Я не хочу и не буду.

«Какая упрямая».

Кто ты?

Мужской голос усмехнулся, но ничего не ответил.

Поток мыслей иссяк. Накатила усталость и безразличие. Никто из слуг не посмел сказать ни слова, оставаясь на своих местах. Что ж, друзей здесь у меня явно не будет.

Мой взгляд скользнул по залу. Я заметила движение в дальней части помещения. Кто-то стоял между колоннами. Тонкая фигура в сером балахоне, чье лицо было скрыто тканью. Вглядевшись, я поняла, что фигура не одна. Появились

ещё две. Затем ещё. Они двигались бесшумно, медленно, скользя над полом.

— А это ещё кто? — Голос охрип. Слова кое-как выкатились сухими комками из горла.

Латти заметно вздрогнула. В глазах появился застарелый ужас. Тело вытянуто в струну. Лицо Летта заморозилось, не выдавая ни одной эмоции. Даже взгляд его был холоден и пуст. И только еле уловимый полушаг в сторону Латти. Хищник, готовый защищать младшего сородича.

— А это новые знакомые, — бог света первым отошёл от произошедшего. Будто ничего и не было. Только глаза и дрогнувший уголок рта на первом слове выдавали его беспокойство.

«Он боится тебя». «Они все боятся». «Так было и будет всегда. У смерти нет любимчиков».

Существа замерли у стены. Медленно поворачивая голову, я смогла рассмотреть их лучше. Тонкие, неестественно длинные руки, костлявые пальцы. Кожа серая, почти прозрачная, пропускающая клубы дыма и тьмы. Вместо лица — гладкая серая кожа, на которой кое-где лежали тени.

Снова обратив внимание на слуг, я кивком разрешила им говорить. Каждое движение, каждое слово приходилось отвоёвывать у десятков женщин, что заполняли мой разум.

— Это духи-скитальцы. После того как они оказались здесь, их души привязаны к обители и не имеют власти над своим существованием. Часть из них выполняет роль слуг,

— тихо объяснил Летт, склонив голову. — Часть становится едой для Хельхейма.

— Только для Хельхейма? Не забудь упомянуть ещё одного любима... — Бальдр запнулся на полуслове.

Только пришедший в себя бог света так и остался с открытым ртом. Он смотрел на мои плечи.

«Никакого почтения». «Никто не давал разрешения открывать свой мерзкий рот». «Накажи наглеца!» «Всё такой же дерзкий». «Кто-то давно не был в Яме, пора обновить воспоминания». «А мне он нравился» — гнев, скука, любопытство и совсем лёгкая грусть.

Как же он мне надоел со своими репликами. Я почувствовала скольжение по плечу. Холодное, липкое, мерзкое. Ошейник медленно стекал с шеи. Жуткое украшение приготавлилось к броску. Ещё мгновение — и эта гадюка вцепится Бальдру в горло.

— Госпожа! Не надо, прошу! — Девушка дёрнулась в сторону светлого, пытаюсь прикрыть его собой. Снова Латти. Моя бедная Латти. Готовая на спасение всех и вся.

— Не смей! — Голос был чужим, властным, холодным. Он не мог принадлежать мне. — На место!

Металлическая змея зашипела и, корчась от боли, извиваясь, поползла в мою сторону. Оказавшись на своём месте, это порождение тьмы впилось мне в шею, прогрызая даже кости. Всего секунда. Всего одна мучительная вечность. И эта тварь отпустила меня, забирая часть моей души. Теперь

я знаю, что такое умереть по-настоящему.

И сколько ещё здесь любителей перекусить душами? Сколько раз мне придётся умирать, чтобы их сдерживать?

Я буквально рухнула на каменный трон. Снова чувствую себя беспомощной. Как же это бесит. Ненавижу. Всех. И себя.

С меня хватит на сегодня.

— Спасибо, — дрожащим голосом выдохнула Латти. Её руки тряслись.

Столько эмоций в одном слове. Испуг, но не за себя. Почему? Её брат ненавидит светлого и чернеет только при взгляде на него. А она?

— Госпожа, могут ли духи накрыть стол? — наконец-то Летт отмер.

Один из скитальцев медленно склонил голову. В руках он держал чёрный поднос с блюдами. Только сейчас я заметила, что его руки заканчиваются чёрными трещинами, будто обугленная кость. Остальные тоже застыли в поклоне, и я разглядела в их руках такие же подносы: кувшины, кубки, приборы, миски толкались и теснились. При каждом движении раздавался тихий звон.

— Это что, шутка? — У меня уже не было сил злиться и удивляться. Не дожидаясь ответа, я просто махнула рукой в сторону слуг.

В абсолютной тишине духи скользили вдоль стола, накрывая на нём подобие роскошного пира.

— Если позволите... — Дождавшись моего кивка, Латти продолжила: — Это дань живым, напоминание, что все мы когда-то были живы. Как вы уже заметили, это проклятое место... — Девушка запнулся и задержала дыхание. Вспышки гнева не последовало, и она быстро продолжила, сохраняя невозмутимость в голосе: — Оно живое. Чтобы сохранить то, что от нас осталось, необходимы ежедневные ритуалы. Даже подобие дыхания не даёт нам утратить контроль над собой.

— Вы не против, если я возьму на себя роль гостеприимного хозяина? Мы ведь так и не встретили «её величество смерть» как подобает. — Светлый снова встрял в разговор и сделал шутовской реверанс.

Слава Одину, его отцу, что мои «сокамерницы по разуму» никак это не прокомментировали. Надеюсь, я их больше не услышу.

Расценив моё молчание как знак согласия, бог направился к месту справа от меня.

— Что ж, тогда прошу к столу.

В его улыбке больше не было той лёгкости и превосходства. Он всего лишь натянул её по привычке, как маску. Жуткие брат и сестра неуверенно заняли места по левую руку от меня. Все трое выглядели каменными изваяниями, только тронь — и новые осколки дополнят эту проклятую залу.

Я медленно опустила взгляд на стоявшую передо мной чашу.

«Еда её — прах, вино её — кровь, и только души могут насытить её мёртвое тело».

Асгард*-в скандинавской мифологии это мир богов-асов, таких как Один, Тор, Фригг и другие.

Глава 7 Мертвый среди живых

Эйнар проснулся от холода. Несколько секунд он лежал неподвижно, глядя в потолок и не понимая, что его разбудило. В квартире было тихо, только ветер время от времени бросал в окно пригоршни ледяной крупы. Пустота рядом была хуже любого кошмара.

Он всегда просыпался раньше Каи. Она ненавидела ранние подъёмы и каждое утро пыталась утащить его обратно под одеяло.

— Ещё пять минут.

Каждый раз одни и те же слова. Он даже иногда раздражался, особенно когда опаздывал на смену, вырывался из её рук и ворчал, что нормальные люди умеют пользоваться будильником. Сейчас это воспоминание жгло виной.

Теперь половина кровати оставалась идеально ровной, стерильно чистой. Он больше не мог там спать.

Эйнар закрыл глаза. Усилием воли он вызвал воспоминания о ней. Только не ту маску, в которую превратили её лицо для похорон, пытаясь убедить родных, что Кая умерла спокойно и без боли. Что её тело вовсе не изломано и кости не раздроблены.

Он вспоминал её живой, смеющейся, уставшей после ночной смены. Как она сидела на полу среди медицинских книг до двух часов ночи. Рядом — остывший кофе, который она

сделала ещё час назад.

Или как она стояла посреди кухни после ночного дежурства в одной футболке и минут пять смотрела внутрь холодильника, не в силах решить, что она хочет съесть.

Эйнар резко сел. Сны не давали ему покоя. Разбитая рука засадила, кожа всё ещё была красной. Он несколько секунд смотрел на неё, прежде чем перед глазами возникла металлическая комната, серый стол и лицо мужчины напротив. Эйнар невольно сжал руку в кулак.

Дэвид. Само имя приводило его в ярость. Его лицо, выражение глаз. С силой втянув воздух, Эйнар встал и подошёл к окну. За стеклом бушевала метель. Снег уже почти скрыл припаркованные машины, крыши домов растворялись в серой пелене, а фонари среди белой завесы напоминали тусклые огни маяков для тех, кто заблудился в этом ледяном городе. Он прижал руку к стеклу. Содранную кожу обдало холодом и немного уменьшило жжение.

На кухне было темно. Он машинально включил кофемашину. Потом выключил. Потом снова включил. Пока лился кофе, Эйнар тёр глаза до красных пятен и пытался вспомнить, спал ли он больше четырёх часов. Когда тело не выдерживало, он проваливался в долгожданное забытие, но перед глазами тут же появлялось лицо жены. Бледное, обезображенное, с остекленевшими глазами.

После смерти Каи уже прошло две недели. Или три? Неважно. Время превратилось в липкую разваренную кашу,

через которую приходилось продираться каждый раз, когда открываешь глаза.

Позвонили из части, чтобы выразить соболезнования, но он сначала не хотел брать трубку. Все же ответив, Эйнар услышал начальника. Тот говорил тихо, подбирая слова. Было слышно, что ему тяжело даётся этот разговор. Когда Эйнар попросил об отпуске, ему с облегчением разрешили. Он потом ещё долго сидел с телефоном в руке.

Раньше Эйнар любил свою работу. Не так, как показывают в сериалах про спасателей, а усталой, въевшейся под кожу привычкой быть там, где кому-то плохо. Разбитые машины, пожары, ночные вызовы, люди, которые цепляются за твою куртку и спрашивают, всё ли будет хорошо, когда ты сам понятия не имеешь, как будет. Теперь всё это не имело значения.

Перед глазами снова появилась картина похорон. Его раздражали все те люди, которые пришли скорбеть вместе с ним. Их соболезнования, тихие голоса, осторожные прикосновения к плечу. Зачем они здесь? Разве им не всё равно? Никто не чувствует того, что чувствует он. Через несколько часов они разъедутся по домам, а завтра вернутся к работе, покупкам, ссорам и завтракам. Все они уже завтра отбросят этот день и пойдут дальше жить свою жизнь. Жить.

По окну застучали льдинки, и Эйнар резко дёрнулся. Мысли и воспоминания захлестнули его, отрезая от всего вокруг. Белая пелена застилала дороги и дома. Крыши машин,

засыпанные снегом, постепенно сливались с пейзажем.

В новостях уже несколько недель говорили о странной погоде. «Метеорологи предупреждают о новой волне похолодания. Рекордные морозы сохранятся по всему Мидгарду. Возможны перебои с транспортом и электроэнергией». Эйнар безразлично пролистнул уведомление. Пусть хоть весь мир замёрзнет.

Отвернувшись от окна, он снова «застыл». Квартира превратилась в музей. Каждая вещь напоминала о ней. Книга на диване. Шарф на вешалке. На подоконнике — кружка со сколом, из которой она почему-то предпочитала пить чай, и ни из какой другой, хотя в доме было ещё шесть нормальных кружек. Воздух здесь был пропитан ею. Он так и не смог убрать все эти вещи. Брат настаивал, что так будет легче. Не выбросить, просто убрать хотя бы в коробки. Эйнар не позволил этого сделать. Ему казалось: если убрать её вещи, то он потеряет её окончательно. Кая умрёт ещё раз.

Через час он уже сидел в машине, сам не понимая, куда едет. Дворники работали без остановки, а машина еле тащилась по снегу. Впереди не видно конца пробки. Наверное, сзади выстроилась целая колонна уставших от всего и вся людей.

Остановившись в очередной раз, Эйнар выдохнул небольшое облачко пара. Как назло, печка еле работала. Он стукнул по приборной панели. Ещё раз. Гнев вперемешку с безысходностью затопили его. Он схватился за руль и сжал со всей

силы, начал его трясти, возможно, его крики были слышны в соседних машинах. Спустя несколько секунд он уткнулся лбом в кожаную ткань и заскулил, как побитая собака, которую хозяин бросил где-то на обочине умирать. Громкий сигнал привёл его в чувство. Движение возобновилось.

Продолжая ехать, он заметил яркое пятно. Тёмно-синяя с голубыми буквами вывеска. «Амулеты, обереги, руны». Мужчина с сединой в волосах и серой потрёпанной куртке старательно счищал снег с названия. Кто-то же верит в это. Очередная лавка для туристов и любителей мистики: кусочки дерева с выжженными символами, подвески, браслеты, красивые сказки за деньги. Впрочем, всем нужно во что-то верить. Эйнар усмехнулся. Теперь это всё казалось нелепостью.

Машина медленно ползла вперёд, и вывеска исчезла за снежной пеленой.

Через несколько кварталов Эйнар вдруг понял, что совершенно не знает, куда едет. Возвращаться домой не хотелось настолько, что сама мысль о квартире вызывала почти физическую боль. Увидев торговый центр, он резко свернул на парковку.

Через десять минут Эйнар стоял в очереди к кассе. Ряд бутылок, пачка сигарет и какая-то лапша быстрого приготовления.

Вокруг шумели люди: кто-то разговаривал по телефону, кассирша с отсутствующим выражением лица протягивала

очередному покупателю чек, где-то рядом смеялся ребёнок. Мужчина впереди отступил назад и задел Эйнара плечом. Звуки резко обрели громкость и резанули по ушам.

— Извините.

Эйнар поднял голову. На мгновение весь мир сузился до одного лица. Мужчина с усталым взглядом держал в руках пакет, виновато улыбаясь и заглядывая в глаза. Эйнару захотелось разбить это добродушное и жалкое лицо. Ярость поднялась волной. Рука уже сжалась в кулак.

— Пап, ну мы скоро пойдём? Я уже устал стоять. — Из-за спины мужчины вылез пацан лет пяти. Мальчик морщил лицо и дёргал отца за джинсы.

— Ой, здрасте. — Он заметил Эйнара. Прижался сильнее к отцу и застыл.

Эйнар отвёл взгляд.

— Ничего. Всё в порядке. — Голос прозвучал тихо и хрипло. Злость сменилась стыдом и тоской.

Через несколько минут он уже выходил из магазина. Тяжёлый пакет бил по ноге. Снег усилился. Крупные хлопья летели почти горизонтально под порывами ветра, серое небо прижимало к земле.

Хлопнула дверца машины. Пакет, звеня, упал на пассажирское сиденье.

Дома он даже не стал включать лампу. Света от монитора хватало, чтобы добраться до дивана и свинтить крышку с первой бутылки.

Он открыл папку с фотографиями. На одной Кая стояла на берегу, прищурившись от солнца, и пыталась закрыть камеру рукой, потому что он снимал без предупреждения. На другой — спала, уткнувшись лицом в медицинский справочник. На коротком видео смеялась так сильно, что не могла закончить предложение. Видео пошло по кругу. Ещё и ещё.

Через пару часов его вывернуло в туалете. Он кое-как вытер ладонью губы и на автопилоте дошёл до дивана и рухнул рядом с ним на пол. Поджав колени к груди, он заскулил и только после этого провалился в забытие всего на несколько часов.

В какой-то момент дни слились в один бесконечный серый вечер. Он просыпался среди пустых бутылок. Засыпал среди них же. Кажется, он даже иногда ел.

Лейф приезжал несколько раз. Брат открывал квартиру своим ключом, приносил продукты, собирал мусор и вытаскивал из квартиры мешки, набитые пустыми бутылками. Эйнар почти не разговаривал с ним.

Кажется, брат даже что-то рассказывал: новости, работа, друзья, погода. Эйнар почти не слушал. Сидел молча, тупо уставившись в одну точку. Лейф уходил. Потом возвращался снова.

В этот раз Эйнара разбудил сильный скрежет металла. Дверь квартиры открылась с трудом. Ключ застрял в замке и не хотел проворачиваться. Он так и не заменил замок.

Лейф прошёл в комнату и сглотнул, закрывая рот рукой.

Расчищая себе дорогу, он раскидал ногами все коробки и бутылки, какие ему попались на пути. Уже возле окна ему под ноги выкатилось ещё одно вместилище зелёного змея. Бутылка улетела в стену и упала на пол с отколотым горлышком. Лейф выругался, но тут же взял себя в руки и медленно выдохнул. Лейф наконец распахнул окно, и в комнату ворвался морозный воздух.

Эйнар лежал на полу, поджав колени к груди, и наблюдал за братом.

Лейф замер у окна. Несколько секунд он просто смотрел на него. В несколько шагов он оказался рядом с Эйнаром и вlepил ему пощёчину.

— Да что с тобой происходит?! — Эйнар даже не поднял головы. — Да посмотри же ты на меня! — Голос сорвался. Лейф упал на колени и принялся трясти брата. Наконец-то он выдохся. Восстанавливая дыхание, он прошипел: — Ты решил похоронить себя заживо?

Тишина.

— Сгнить в собственной квартире, как в склепе? Кая бы такого...

Эйнар поднял взгляд. Покрасневшие пустые глаза, отросшая щетина, осунувшееся лицо. Человек, которого почти не осталось. Он долго смотрел на брата.

— Не смей говорить, что сделала бы Кая.

Лейф замолчал. Несколько секунд в квартире слышался только шум улицы.

Потом он медленно кивнул.

— Ты прав. Я не должен был. Но и ты не должен хоронить себя

— Уходи. Я уже мертв.

— Кая мертва, а ты — нет. — Лейф опустил голову и его голос прозвучал совсем тихо

Эйнар прикрыл глаза и на секунду перестал слышать что-либо. Как будто голову поместили в банку и плотно закрыли крышкой. Ещё мгновение — и звуки ворвались в голову, как фейерверк.

— Можешь меня ненавидеть. Можешь завтра сменить замки, что нужно бы сделать. Или в следующий раз, если понадобится, просто выбью дверь. Но сегодня я сначала заставляю тебя выпить воды и поесть хотя бы половину того, что принёс. Потом соберу стекло, потому что ты однажды проснёшься, наступишь на него и, с твоим нынешним везением, умудришься истечь кровью раньше, чем сообразишь вызвать помощь. — Брат встал и ушел на кухню шуршать пакетами и ворчать.

Эйнар сидел и слушал, как Лейф говорит без остановки. Обо всём и ни о чём. Только бы он снова не погружался в бездну уныния.

— И окно я не закрою ещё минут десять. Здесь воняет так, будто ты уже начал разлагаться.

За окном продолжал идти снег. Белая пелена медленно поглощала машины, тротуары и следы людей, пока город не

начинал походить на огромную белую могилу.

Глава 8 Незванный гость

Я не помнила, когда начала пить. В Хельхейме это не имело значения, ведь здесь всё оставалось неизменным, не наступало утро и не сгущались сумерки. Время было тут ни к чему, и его оставили гнить среди серых безжизненных камней.

Обрывки воспоминаний крутились по кругу. Конец нашего пира со слугами и пленником, натянутая улыбка Бальдра, опущенный взгляд Латти, неподвижное лицо Летта. Еда, которая нам не нужна, вино, которое не приносило облегчения, постоянное напоминание, что все мы мертвы. Издёвка, растянутая на вечность, жестокая шутка, смысл которой мне никак не удавалось понять. Наказание. Только вот за что?

Вокруг меня уже выстроился целый ряд тяжёлых серебряных кубков. Один из них стоял прямо перед моим лицом, другой лежал на боку, а остальные сбились в кучу возле стены, словно моё личное маленькое металлическое кладбище. Бесплодная попытка напиться до беспамятства. Голоса никуда не исчезли, просто стали немного дальше, будто отошли за тонкую стену и теперь продолжали ругаться там, терпеливо дожидаясь, когда я снова протрезвею.

Осколки раскрошенных плит впивались в спину. Повернув голову в другую сторону, я уставилась на бесконечную мёртвую равнину. Одна моя рука свисала вниз. Пальцы ле-

ниво двигались в пустоте, перебирая вязкий воздух. Часть стены была разрушена, предоставляя мне возможность лежать на самом краю и любоваться видом мёртвого мира. Видом моей тюрьмы. Возможно, где-то за серой равниной всё-таки существует что-то ещё: другой мир, другая жизнь, выход, который я пока просто не вижу.

«Жалкое зрелище». Я сама не поняла, сказала это вслух или подумала.

«Я не жалкая. Мне просто страшно. Кто угодно на моём месте вёл бы себя так же».

«Вот уж нет. Признай — ты слабая».

Я закрыла глаза.

«И не последняя. Ты явно здесь ненадолго».

«Может, это и к лучшему. Меньше боли и мук».

— Заткнитесь.

Голоса рассмеялись.

Я ненавидела их. Я пыталась их заглушить. Иногда их мысли казались моими. Я не понимала, где заканчиваются они и начинаюсь я.

Перед глазами всплыло лицо Латти, согнутая спина Летта и Бальдр, не способный подняться с колен. Я всё ещё помнила то короткое мгновение, когда увидела их у своих ног и почувствовала удовольствие.

Чтобы продолжить попытки отключить звук в голове, мне пришлось сесть. Я снова поднесла кубок к губам. Пусто. Металл звякнул о камень. Сразу несколько кубков разлетелись

в стороны. Проведя пальцами по костяной стороне лица, я зажмурилась. Мерзость. Самая настоящая жуткая тварь из кошмаров, которой почему-то выдали трон и предложили управлять целым царством. Развернувшись всем телом, я свесила ноги со стены.

— План не удался. Я напилась, но недостаточно, чтобы заглушить эти проклятые голоса.

— Могу я присесть? Вы не против?

Я дёрнулась от неожиданности. Мужской голос почему-то знакомый. Я попыталась вспомнить, но мысли вязли в вине и голосах прежних Хель.

— Ещё один. — Я потёрла лицо руками. — Сколько их там ещё? Пора уже давать клички.

— Ещё один? — В повышенных нотах сквозило недовольство и лёгкая обида.

— Вот же Хел. Я сказала это вслух? Хотя какая разница. Это же всё в моей голове. Он и так слышит, о чём я думаю. Бред.

Рядом со мной, также свесив ноги над пропастью, сел мужчина. Рыжие волосы, заплетённые в косу. Красивое, но как будто немного неправильное и подвижное лицо с вертикальными шрамами, пересекающими губы. Лицо казалось привлекательным ровно до тех пор, пока я не попыталась рассмотреть его внимательнее. Черты будто двигались неуловимо, то добавляя деталей к внешности, то сокращая их и заменяя на другие. Пришлось зажмуриться, чтобы убрать эту

рябь.

— Я решил немного обнаглеть и пригласил себя сам. — Он улыбнулся. Так улыбаются люди, которые не знают слова «нет».

Я моргнула.

— Так и что?

— Что? — Во рту было противно и кисло после вина. Я кое-как разлепила губы. Потом взяла ближайший кубок и сделала глоток. Всего одна капля упала мне на язык.

Он слегка поднял бровь.

— Ты так и планируешь пьянствовать? Выглядишь так, будто пытаешься пережить собственную смерть.

— Очень смешно, надеюсь, ты доволен собой. — Я устало выдохнула. — Голосом больше, голосом меньше... Неважно. Если хочешь, так и быть, давай поболтаем. Тем более ты первый, кто появился... так сказать, во всей красе. — Я указала на его лицо рукой и усмехнулась. — Мне всё равно недолго осталось.

На этот раз он не улыбнулся. Колючие медные глаза сузились. Уже через секунду его лицо расслабилось и снова стало добродушным.

— Вижу, день у тебя был продуктивный. — Он устроился удобнее, опершись ладонями о камень, и посмотрел на разбросанные вокруг кубки.

— Мне как раз не хватало критики от галлюцинации. И вообще, кто ты? Откуда? Прошлые Хель были женщинами...

так что ты вряд ли из их числа. Ещё и ведёшь себя, как будто всё нормально.

— Не знакомство, а допрос какой-то. — Мужчина фыркнул и сжал губы. Он сейчас выглядел как обиженный мальчишка, которого не похвалили. — К тому же понятия нормальности относительны.

Мы оба замолчали. Мне было как-то неловко и некомфортно рядом с ним. Голоса внутри всё ещё бормотали, хотя почему-то заметно тише, чем несколько минут назад.

— Так и быть. Отвечу на твой вопрос. Один.

— Как великодушно. И кто же ты?

Он прищурился и вытянул губы трубочкой.

— Ты ведь уже сама себе ответила — галлюцинация. Ещё одна деталь твоего сумасшествия.

— А разве нет?

Он усмехнулся.

— И да, и нет.

Я сжала каменный выступ, на котором сидела. Этот парень начинал меня бесить.

— Эти ответы вызывают ещё больше вопросов. — В моём голосе появилось раздражение.

Несколько секунд мы молчали.

— Локи*, — наконец сказал он, видимо почувствовав моё настроение. Имя повисло в воздухе.

Я медленно повернула голову.

— Локи?

— Ты же спросила, кто я. Вот и ответ. — Голос был серьёзным и недовольным.

— Это должно мне что-то сказать?

Его губы немного обиженно дрогнули.

— Видимо, нет. Немного обидно, конечно, но что поделать. — Он отвернулся и сделал вид, что всматривается в туман, который стелился внизу.

— Ну что ж, если ты какой-то важный местный парень, я не в курсе. — Действительно, «что поделать», ещё я не успокаивала взрослых мужиков, которые словили обиду.

— Ты интереснее, чем я ожидал.

Я застыла.

— Что?

— Ты слышала.

— Нет. Нет, не начинай.

— Что именно?

— Вот это. Не надо пытаться быть милым голосом в моей голове.

Он наклонил голову к плечу.

— А если я действительно милый? Хотя... — Он на секунду задумался. — Вряд ли.

— Тогда у меня окончательно проблемы с психикой.

— Глупо это отрицать. — Он пожал плечами. И неожиданно выпалил:

— Мне здесь нравится. — В голосе было столько радости и позитива, что меня передёрнуло.

— Ты нормальный? — Вопрос прозвучал резче, чем я хотела бы. Его настроение скакало от раздражения и обиды до восторгов и радости. На секунду застыв, я ждала вспышки злости. Но нет. Он ответил ровно и спокойно.

— Посмотри вокруг. — Локи указал рукой куда-то в туман. — Красота. Ни одной живой души. Никто не мешает, не тревожит.

— Да, кроме десятков женщин в голове. — Мой голос был серьёзным и отдавал отчаянием.

— Что поделать, везде есть свои минусы. — Он пожал плечами.

— Странно. Ты даже не спросишь об этом? Что за женщины и...

— Ты слишком громко думаешь. — Его улыбка растянулась на всё лицо.

— Не лезь в мою голову. — Я резко выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза, пытаюсь сфокусироваться на его дрожащем лице.

— Я уже там. — Шипящие, вкрадчивые ноты в его голосе заставили меня вздрогнуть и немного податься назад. — Ты забыла? Я же твоя галлюцинация! — Он звонко рассмеялся.

— Да, точно. — Слегка заикаясь, я натянула улыбку. Надеюсь, он не заметил напряжения в моём голосе. — Очень удобно. Если ты галлюцинация, то можешь безнаказанно копать у меня в голове, хамить и вообще делать всё, что захочешь.

— Почти всё, — поправил Локи, всё ещё улыбаясь. — Но мне нравится ход твоих мыслей.

— Ты специально выводишь людей из себя? — Его ответы, как и улыбки, ставили меня в ступор. Я совершенно не понимала, чего он от меня хочет. Хотя какая разница — это всего лишь плод моего пьяного воображения.

Он задумался с такой серьёзностью, будто я задала действительно сложный вопрос.

— Иногда. — Он слегка повёл плечом. — Злость довольно честное чувство. Люди могут часами рассказывать, какие они добрые, терпеливые и понимающие, но стоит немного надавить в правильном месте — и сразу становится ясно, что там на самом деле.

Внезапный порыв ветра прошёлся по равнине. Справа еле виднелся каменный огромный мост. Серый туман под ним дрогнул, будто кто-то огромный шевельнулся глубоко внизу. Я впервые увидела хоть что-то, кроме мёрзлой нескончаемой земли.

— Там что-то есть? — Я была удивлена. Потому что раньше совсем не замечала этого строения. Я вообще думала, что здесь больше ничего нет вокруг.

— Ты до сих пор не была за пределами обители? — Намёк на лёгкое слабоумие читался между строк.

— Мне как-то не до этого было.

— Действительно. У тебя была куча других важных дел. — Он кивнул в сторону валяющихся кубков. — Попроси

слуг. Пусть устроят тебе экскурсию.

Я снова посмотрела на мост. Клубы тумана поднимались вверх, поедая камень за камнем, пока полностью не поглотили всё строение.

— Давай ещё раз. Кто ты? Да и как это всё... — Я на секунду запнулась. — Я сплю?

— Балл за догадливость. — Он щёлкнул пальцами.

— Отлично. А на второй вопрос мне ждать ответ? Хотя постой, обойдёмся без увиливаний. Лучше просто промолчи.

Он демонстративно сжал губы в нитку.

— А зачем ты пришёл? На это хотя бы ответишь? — Возможно, лёгкий намёк на беспомощность и жалость заставил его дать ответ.

— Во-первых, мне здесь действительно нравится. — Локи стал загибать пальцы. — Во-вторых, я пришёл посмотреть на появление новой богини. Такое нечасто увидишь. Так что не смог пропустить. — Он резко сжал руку в кулак. — Пожалуй, всё. И думаю, этого более чем достаточно.

— Добро пожаловать в цирк уродов. — Я завела правую руку за спину, а левой сделала круг кистью. Голова склонилась к груди.

— Я бы не стал формулировать настолько грубо. — Его лицо исказила гримаса.

— И как бы ты описал то, что видишь? — Я специально откинула волосы с костяной стороны лица.

На секунду он застыл, а затем его лицо бросилось в безумную пляску. Черты снова менялись, создавая рябь.

— Нууу... специфично. Эпатажно даже, я бы сказал. Да и я не из брезгливых. — Весёлые искорки в глазах вспыхнули и тут же угасли. — Тебе не стоит об этом переживать. Точнее, это последнее, о чём я бы думал на твоём месте.

— Звучишь как маньяк, который коллекционирует всякую мерзость.

Локи задумался, слегка нахмутив брови. Не стал говорить, что я сошла с ума окончательно, не обиделся, ни разочлился. И от этого мне стало жутко.

— Возможно, но я не коллекционер. Это слишком хлопотно и скучно.

Я попыталась понять, шутит он или нет. Внимательнее всмотрелась в его лицо и почти сразу пожалела. Черты снова поплыли: одна щека стала чуть уже, уголок рта приподнялся, нос стал меньше, губы пухлее. Изменения были настолько малозаметными, что по отдельности казались выдумкой, но вместе создавали неприятное ощущение, будто передо мной был пластилин. Не менялись только глаза.

— Что не так с твоим лицом?

Только после последнего звука я поняла, что спросила это вслух. Мне стало неловко, и я не знала, куда себя деть. Сильнее сжала каменный выступ и облизала губы. Я почувствовала холод гладкой костяной стороны. Мне стало тошно от самой себя.

— Наконец-то ты спросила. — Он явно обрадовался. — Ты ведь даже не сможешь толком описать меня, так ведь? — Его глаза лучились превосходством. — Сразу скажу — да. Я могу это прекратить. Но зачем?

Я даже не знала, что сказать. И уже хотела отвернуться, но его взгляд задержался на моей костяной половине лица. Не скользнул мимо из вежливости, как делали Латти или Летт, а остановился. Локи откровенно рассматривал меня, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее хотелось прикрыться волосами.

— Так. Хватит. Мне уже совсем не по себе, на сегодня показ закончен, ваше время вышло. — Я подняла руку, чтобы прикрыть лицо.

— Подожди. Я ещё не закончил.

Внутри неприятно похолодело. Он сказал это совершенно естественно, словно не видел ничего странного в происходящем. Его взгляд как будто скальпель препарировал моё лицо по кускам.

— Вдруг я решу тебя нарисовать? — Снова улыбка на всё лицо и шутовские интонации. — Нужно запомнить каждую деталь.

Я уже устала от его манеры общаться, к тому же мне было сильно не по себе. Локи пугал меня и злил одновременно. Мне хотелось сбежать и ударить его. Но вместо этого задала не дающий мне покоя вопрос:

— Зачем ты действительно пришёл?

На этот раз он не стал отвечать вопросом и увиливать. Его взгляд задержался на мне. Он медленно спускался по лицу, плечам, рукам. На несколько секунд он задержался на моём ошейнике, который, к слову сказать, вёл себя совсем спокойно. Полоска металла безжизненно обхватывала мою шею.

Локи поджал губы и всё же ответил:

— Решил развеяться.

— Ты издеваешься? — Мои интонации перестали быть дружелюбными. Голова слегка подалась вперёд.

— Немного. — Белые зубы блеснули в очередной улыбке.

— Ещё хотел развлечь тебя. Ну и сказать что-то в стиле «ты не одна».

— Ты можешь помочь мне? — Мне самой стало дурно от того, как прозвучал мой голос. От злости до слезливости за секунду.

— Нет.

Ответ был настолько быстрым и неожиданным, что я не сдержалась, и по лицу потекли чёрные слёзы.

— Я не буду притворяться героем, говорить, что выход обязательно есть. Я понятия не имею, как тебе помочь. Воскрешать из мёртвых не моя специальность. Я могу просто побыть рядом.

Я молчала. Чёрные густые слёзы стекали по подбородку.

Локи сделал вид, что ничего не происходит.

— Зачем тебе это?

Он несколько секунд рассматривал меня, и на этот раз в

его взгляде почти не было веселья. Он мягко улыбнулся.

— Возможно, ты станешь моим другом.

— Другом? — Я смеялась, размазывая чёрную смолу по лицу. — Забавно. Дружить с галлюцинациями я ещё не пробовала. Глупость. Самый настоящий бред. Я разговариваю с незнакомцем во сне, который неизвестно, существует ли вообще, и он набивается ко мне в друзья. Чего ты хочешь от меня, Локи? — Последнюю фразу я уже прохрипела.

— Я же сказал. Стать другом. — В голосе уже не было насмешки. Вместо неё там появилось недоумение. На последнем слове он сделал акцент. — Ну и разрешения иногда тебя навещать, ненавижу навязываться. — Он скорчил недовольную гримасу.

— То есть ты будешь приходить, когда вздумается? — Ощущение незащищённости облепило меня. Мне захотелось сжаться всем телом. Сама перспектива спонтанного появления незнакомца-психопата меня пугала.

— Увы, но нет. Только когда ты позовёшь, мы всё-таки ещё не настолько близки. — На этих словах его глаза немного расширились, а по лицу расплылась грустная улыбка, как у клоуна.

— Если это так, то почему бы и нет. — Я всё ещё была напряжена, но и чувствовала облегчение, что смогу контролировать хоть что-то в моей новой жизни. — Раз мы пробуем тут дружбу водить, то, может, подробностей каких-нибудь подкинешь? А то мне сложно... — Слова застряли в горле.

Лицо Локи исказилось от боли. На мгновение он сжал зубы так сильно, что на скулах выступили тени. Его пальцы скрючились, голова запрокинулась.

— Локи? — Я не понимала, что происходит и что я могу для него сделать. Ему было больно. Подавшись всем телом, я потянула руку к нему.

— Не надо! — Я вздрогнула и отдернула руку назад от резкости и злости в его голосе. — Не волнуйся, маленькая богиня, ничего критичного не происходит. — Слова давались ему с трудом. — Но мне приятно твоё беспокойство.

«Маленькая богиня?» Я уже слышала эту фразу. Вино будто на несколько секунд испарилось из моей мёртвой крови.

Комната. Ошейник, сжимающий горло. Чужой мужской голос, пробивающийся сквозь боль. Нежность в словах «Будет больно».

Локи резко втянул воздух, пальцы скрючились, а по лицу прошла такая судорога, что его подвижные черты буквально рассыпались, на несколько мгновений складываясь в десятки разных лиц.

— Я постараюсь развлекать тебя время от времени своим присутствием, маленькая богиня.

— Не называй меня так! — Волна гнева смела тоску и уныние. Я буквально задыхалась от бешенства.

Отвечать уже было некому. Он исчез. А я снова осталась одна.

Ещё несколько секунд сидела неподвижно, пытаюсь понять, действительно ли всё это произошло. Оглядевшись, я поняла, что в комнате ничего не изменилось.

Затем я открыла глаза. Холод от ошейника резко окатил шею, полностью вытаскивая меня из сна.

Впервые за долгое время в моей голове стало тихо. Я боялась пошевелиться, вдруг от моих движений всё вернётся. Они вернутся. Я медленно поднялась. Тело слушалось неохотно. Меня немного пошатывало из-за вина.

— Вот уж не думала, что мертвецы могут напиться.

Я замерла. Тишина не исчезла, никаких споров и насмешек. Я слышала свои мысли.

— Что ты сделал? — Ответа, разумеется, не последовало.

Хуже всего было другое. Несмотря на всё, что я только что узнала, мне хотелось, чтобы он вернулся. И если эта мысль принадлежала действительно мне, то проблемы у меня были гораздо серьёзнее, чем я думала.

Я сделала пару шагов в сторону двери и чуть не упала из-за кубка, который подвернулся мне под ногу.

— Хел! — Я буквально зарычала от злости. Бесполезная посуда полетела куда-то в пропасть за окном. Надеюсь, я какого-нибудь прибила этой штукой. Оказавшись у дверей, я оглянулась назад. Не сказать, что тут был порядок, но кучи пустых кувшинов и кубков делали это место ещё более неприятным.

— Всё. Хватит.

Алкоголь не помогал. Голоса окончательно никуда от него не исчезали, страх тоже, зато стоять на ногах становилось сложнее.

Пожалуй, стоит стряхнуть пыль и крошево из камней с брюк и жилета. Рука потянулась к бедру... А может, и не стоит ничего отряхивать. И так сойдёт. Воспоминание о прикосновении к одежде, о том, какая она на ощупь, заставило меня передёрнуться. Ошейник, который никак себя не проявлял до этого, немного сжал шею.

— Надо же, какие мы обидчивые.

Дверь открылась почти бесшумно. За ней стояла Латти с подносом в руках. Она выглядела почти как статуя: прямая спина, неподвижное лицо, опущенный взгляд, только блеск чёрных глаз выдавал в ней ещё что-то живое.

— Госпожа. — Девушка склонила голову и присела в поклоне.

Голос звучал глухо и холодно, почтительно. Как и должно быть.

— Ты всё это время была здесь?

— Да, госпожа. — Латти также смотрела прямо перед собой.

В голосе ни капли сочувствия, как было раньше. Что ж, его и не должно быть. Я вспомнила, как она пыталась удержать меня, когда я надела ошейник, как бросилась между мной и Бальдром, как испугалась, когда моя сила пригвоздила её к полу. Их всех.

Хотелось взять её за руку и снова увидеть почти человеческий взгляд и готовность прийти на помощь. Хотелось сказать, что я не собиралась причинять ей вред. Хотелось поделиться тем, что со мной происходит. Хотелось сказать, что я не понимаю, что вообще происходит, почему я сделала то, что сделала. Что я сама себя боюсь! Мне казалось, что эта девушка единственная здесь, кто ещё хоть немного остаётся человеком.

Я сделала едва заметный шаг к служанке. Латти напряглась совсем чуть-чуть.

— Оставь кувшин здесь. — Я так и не сказала ничего из того, что билось у меня в голове.

— Конечно, госпожа.

Она наклонилась, поставила поднос возле стены и снова выпрямилась.

— Вам что-нибудь требуется?

Я хотела сказать: *да, перестань меня бояться*. Слова уже почти поднялись к горлу, но я представила, как жалко они прозвучат. Какая из меня богиня смерти, если я попрошу собственную служанку не бояться меня.

Я вспомнила Локи: «Ты до сих пор не выходила из Обители? Скажи слугам, пусть устроят тебе экскурсию».

Глухое раздражение вспыхнуло почти сразу. Нет, это не потому, что он сказал. Это потому, что... он прав, мне действительно пора осмотреть «свои» владения.

— Я видела мост в тумане, что там?

— Это начало царства. Мост перекинут через реку Гъ-ёль*, и там...

— Отлично. Тогда начнём сначала. — Голос был холоден и сух.

Впервые с тех пор, как я проснулась мёртвой, наконец-то вышла из своих покоев не потому, что пыталась от чего-то сбежать.

Локи* -бог хитрости и обмана в скандинавской мифологии, известный своей способностью менять облик. Он часто помогает богам, но одновременно создаёт им множество проблем.

Гъёль* - река в скандинавской мифологии, связанная с царством мёртвых . Через неё перекинут мост Гьялларбру, по которому проходят души умерших. В мифах эту реку часто описывают как одну из границ мира мёртвых.

Глава 9 День мёртвого бога

У Бальдра давно появилась привычка просыпаться раньше остальных. Хотя полное забытие, в которое он впадал, сложно назвать сном.

В Хельхейме не существовало ни рассветов, ни закатов. Но разум Бальдра упрямо цеплялся за остатки человеческой памяти, продолжал жить так, будто дни всё ещё сменяют друг друга. Если перестать жить в иллюзии, где есть утро и вечер, даже когда они давно исчезли, однажды можно исчезнуть и самому.

Светлый бог открыл глаза и несколько секунд неподвижно смотрел в потолок.

Каменные своды пересекали тёмные трещины. За последние недели их стало больше. Совсем немного. Посторонний человек никогда бы этого не заметил. Но Бальдр жил в этой комнате достаточно долго, чтобы помнить каждую неровность на старом камне.

Ещё одна трещина протянулась от стены к центру потолка тонкой чёрной жилкой.

Он тихо выдохнул. Точнее, сделал вид. Всё это подобие жизни угнетало. Особенно сейчас, когда появилась новая богиня. Пока что ещё слишком живая для этого места. Забавно. Ведь она ему сказала ровно то же самое.

Обитель продолжала умирать, медленно рассыпаясь во-

круг них и погребая под собой остатки пусть и извращённой, но жизни.

Он сел на кровати и потёр ладонями лицо. Комната была небольшой: узкая кровать, тяжёлый деревянный стол, два стула, книжный шкаф, забитый рукописями, которые он уже перечитывал столько раз, что некоторые страницы мог бы восстановить по памяти. В углу стояло копьё, рядом на полу валялся меч. За долгие годы Бальдр неоднократно пытался убедить себя, что из него можно сделать настоящего воина, но в итоге научился лишь достаточно хорошо обращаться с оружием, чтобы не выглядеть совсем уж беспомощно и убого.

На столе лежал нож для резьбы по дереву и несколько фигурок, вырезанных долгими вечерами.

Получались они посредственно, однако занятие помогало не думать, а это уже делало его полезным.

На самой дальней полке стояла маленькая деревянная птица. Она была грубоватой, с чуть разными крыльями и слишком большим клювом, но из всех вещей, которые Бальдр успел сделать за время заключения, эта почему-то нравилась ему больше остальных.

Бальдр задержал на ней взгляд.

— Доброе утро, — негромко сказал он.

Птица, как и всегда, ничего не ответила.

— И тебе того же.

Он усмехнулся собственному идиотизму. Впрочем, чему

тут удивляться? То, что он до сих пор не сошёл с ума и не начал развоплощаться вместе с большинством обитателей Хельхейма, уже чудо.

Он уже очень долго цеплялся за действительность, чтобы не потерять себя. Жить среди мертвецов — значит рано или поздно самому стать частью смерти. Такие философские мысли догнали его уже на выходе из комнаты.

Полы чёрного плаща взметнулись, поднимая облако пыли, когда Бальдр повернул за угол.

Обитель никогда не была по-настоящему пустой. Казалось, что в этом месте тихо и пусто. Но её коридоры жили. Движение здесь не прекращалось никогда.

По лестнице неторопливо поднимались двое гномов, громко споря о том, чей топор хуже пережил последнюю сотню лет.

Они даже не обратили внимания на светлого бога. Бальдр тяжело вздохнул, провожая взглядом гномов.

— Говорю тебе, твой ещё годится разве что орехи колоть! Поэтому ты здесь, а не в Вальгалле!

— А твоим и орех не расколешь!

— Мой пережил три войны!

Они прошли мимо, даже не посмотрев на Бальдра. Гномы повторяли одно и то же. Один и тот же спор. Слово в слово. Каждый раз.

Мимо пролетели несколько духов-служителей, прижимая к груди свитки и книги. Их полупрозрачные фигуры вытяги-

вались вслед за движением, оставляя в воздухе бледные полосы, которые исчезали почти сразу.

Странное место. Мёртвое. И при этом удивительно живое. Навстречу Бальдру шёл высокий светлый альв*.

Когда-то, при жизни, он считался одним из красивейших воинов Альвхейма* и, судя по его рассказам, прекрасно об этом знал. Умер он совершенно не героически: тяжёлая болезнь медленно высушила тело, оставив от некогда сильного воина почти одну оболочку.

Смерть почти не изменила его лицо. Только подправила некоторые детали: кожа стала слишком бледной, словно прозрачной, золотистые волосы потеряли прежний блеск. А глаза... глаза медленно теряли цвет. С каждым годом в них становилось всё меньше сознания и чувств.

Скоро альв начнёт забывать куски своей жизни. Бальдр уже научился распознавать «этот» момент. Поэтому как мог тормозил бедного альва. В надежде, что он протянет хоть немного дольше.

— Каэл!

Альв поднял голову.

На мгновение его суровое лицо застыло, но потом смягчилось.

— Бальдр.

— Рад видеть тебя мёртвым.

Каэл сжал челюсть.

— Только ты способен начать разговор с подобных слов,

светлый бог.

— Зато честно. Я правда рад тебя видеть, а ты действительно мёртв.

— Иногда честность переоценивают. — Голос альва был холодным, но в нём ещё мелькали искры чувств.

Бальдр улыбнулся.

— При жизни ты был той ещё скотиной. И даже не вздумай отрицать.

— Был.

— Хотя знаешь... Ты и сейчас прекрасно справляешься.

Альв шумно выдохнул.

— Знал бы, что после смерти окажусь рядом с тобой, сам бы прыгнул в яму к Нидхегу.

Бальдр перестал улыбаться.

— Не говори так. Смерть не любит, когда с ней шутят. — Мгновение — и он снова натянул дружелюбную улыбку. — А, да что мы о грустном. Сегодня как всегда?

Каэл внимательно посмотрел на него.

— Разве у меня есть выбор?

— Нет. Вот и отлично, что наши маленькие традиции чтутся.

Каэл свернул в боковой коридор, а Бальдр неторопливо пошёл дальше.

Светлый бог мог вернуться в свою комнату. Снова открыть одну из книг, которые давно знал почти наизусть. Или просто бесцельно бродить по Обители, убивая беско-

нечность ещё одним одинаковым днём. Впрочем, прогулки по Обители могут принести некоторые неудобства.

Пока прежнее воплощение Хель сидело на троне, твари старались держаться подальше от жилых частей Обители и выползали на охоту лишь изредка. Теперь же, когда власть ослабла, они осмелели. Одни рыскали по нижним переходам в поисках заблудившихся душ, другие пробирались на равнину, а особенно наглые иногда пытались подняться на уровне выше. Бальдр несколько раз ловил себя на том, что по привычке прислушивается к каждому шороху за стенами.

Ноги сами принесли его к мосту. Так происходило почти каждый день. Пусть это и глупо. Всё, что он мог, — только смотреть. Мост был дорогой в мир живых.

Дорогой домой.

Чем ближе становились ворота, тем холоднее делался воздух. По каменному полу тонкой паутиной расползлся иней, из щелей в стенах тянуло сыростью, снегом и тем особым холодом, который существовал только там, где смерть была рядом.

У распахнутых ворот неподвижно стояли двое драугров*. Когда-то оба были воинами. Теперь ржавые доспехи почти приросли к иссохшим телам. На месте глаз — тёмные провалы, в которых изредка вспыхивали тусклые зелёные огоньки.

Эти двое хотя бы ещё как-то держались в приемлемом состоянии. В отличие от своих братьев, которые гнили в водах Гьёлль и теперь пытались выбраться наружу при каждой

возможности.

Бальдр, не сбавляя шага, поднял руку.

— Доброе утро, мужики.

Левый драугр не пошевелился. Второй медленно повернул голову. Позвонки неприятно захрустели.

Прошло несколько долгих секунд.

— ...ут... ро...

Голос прозвучал так, будто его вытаскивали из-под земли.

Бальдр довольно улыбнулся.

— Уже лучше. Вчера тебя хватило только на несколько букв. Ещё пару каких-то десятков лет, и, может быть, сможешь моё имя выучить.

Драугр снова застыл. Будто потратил последние силы на одно-единственное слово.

Бальдр легонько хлопнул его по ржавому наплечнику.

— Молодец. А ещё лет через сто научишься целым предложениям. — Бальдр остановился на полушаге. — Ну а ты, мой молчаливый друг? Что-нибудь нам скажешь? Как день прошёл? Нет?

Второй драугр только слегка повернул голову в сторону светлого бога. Но ответа так и не последовало.

Бальдр тяжело вздохнул и вышел на мост.

Ледяной ветер тут же ударил в лицо. Перед ним раскинулась Гьёлль. Серая река лениво пузырилась, почти полностью скрытая густым туманом. Огромный чёрный мост, будто гнилой длинный язык, уходил вперёд, растворяясь в бес-

цветной мгле.

Бальдр остановился сразу у входа в Обитель. Наклонился. Поднял небольшой кусок льда и замахнулся. Лёд беззвучно исчез в воде. Несколько секунд ничего не происходило. Затем из вязкого варева реки показалась костяная рука с остатками гнилой плоти. За ней вторая. Третья. Ещё несколько высохших ладоней судорожно заскребли по каменной кладке моста, пытаясь ухватиться за выступы.

Бальдр улыбнулся.

— Сегодня вас что-то мало. Обленились совсем.

Он даже не обернулся.

— Доброе утро, Ингрид.

Женщина подошла ближе.

В руках она держала серебряный кубок.

— Ты опять их дразнишь.

— Конечно. Без меня они совсем форму растеряют.

Бальдр снова запустил кусок льда в воду. Раздалось глухое рычание.

— Когда-нибудь они всё-таки выберутся.

— Тогда нам всем не позавидуешь. Боюсь... это будет последний день для всех нас.

Она фыркнула и протянула ему кубок. Бальдр сделал большой глоток. Секунду молча смотрел перед собой. Потом поморщился.

— Отвратительно.

— Как и всегда.

— Каждый раз надеюсь, что вкус изменится.

— За последние лет сто он не изменился.

— Может, ещё есть шанс. Надежда даже тут умирает последней.

Ингрид покачала головой.

— Неисправимый.

Бальдр вернул кубок служанке и щёлкнул пальцами.

Воздух рядом с ним дрогнул. В ладони, словно соткавшись из серебристого света, возникло длинное копьё. Оружие слуг богини появлялось беззвучно, из пыли и пепла. Чёрное, без бликов. Его копьё даже здесь продолжало сиять. Совсем немного, но всё же.

Он привычно перехватил древко, сжал плотнее кулак, замахнулся. Копьё с тихим свистом исчезло в тумане. Снизу донёсся глухой удар наконечника о камень. Одна из костяных рук дёрнулась и сорвалась вниз. Через мгновение копьё вновь оказалось в ладони Бальдра. Будто никуда и не исчезало.

— Первого упустил. — Он поморщился.

Ингрид вопросительно подняла бровь.

— Всё ещё считаешь?

— Конечно.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Хочу однажды попасть с первого броска. Да и чем ещё занять вечность?

Женщина ничего не ответила.

Она тоже посмотрела вниз. Из тумана показались новые руки. На этот раз сразу семь.

Бальдр прищурился.

— Вот. Теперь веселее.

Он снова поднял копьё, собираясь метнуть его, когда мост едва заметно дрогнул. Вибрация прошла сквозь подошвы и поднялась по ногам.

Бальдр медленно выпрямился.

Через несколько секунд дрожь повторилась, теперь сильнее.

Все руки под мостом одновременно исчезли. Даже драугры у входа синхронно повернули головы в сторону моста. Наступила абсолютная тишина. А за ней... из глубины Хельхейма пришёл вой. Глухой и низкий.

Такой глубокий, что от него пробирало всё тело и молнией прошибало кости. Голова начинала трещать. Девушке и Бальдру пришлось сжать её руками. Вой ввинчивался в мозг, залезал под кожу, давил что есть сил, заставляя пригибаться к земле.

Ингрид вскрикнула и прижала ладони к ушам.

Бальдр почувствовал, как ноги начинают подкашиваться.

Вой не просто причинял боль. Он вытягивал наружу остатки мёртвой жизни и оставлял одну-единственную мысль, настолько простую и тяжёлую, что сопротивляться ей почти не оставалось сил.

Пусть всё закончится.

Пусть меня просто не станет.

Бальдр резко схватил Ингрид за запястье. Женщина уже падала.

Вой проходил сквозь камень, сквозь лёд. Иней тонкой пылью осыпался с перил.

Ингрид медленно подняла голову.

— Опять... Я не могу. Больше не могу...

Бальдр из последних сил схватил служанку за руку. Они оба упали на колени, сила этого звука давила всё сильнее. По щекам светлого бога потекли золотые капли слёз.

Через несколько мгновений вой оборвался так же внезапно, как начался. Всё царство замерло. Ещё одна передышка, пока зверь снова не взвоят.

Бальдр ещё некоторое время оставался на коленях, ожидая новой волны, но вместо этого из тумана донёсся тяжёлый звон цепей. Древний страж Хельхейма ворочался где-то неподалёку, устраиваясь на мосту, и каждый его шаг отзывался дрожью в камне.

— Он почувствовал.

— Видимо, наша госпожа пришла в себя. — Бальдр тяжело выдохнул. — Пожалуй... — Он растворил копье в серебряной вспышке. — Пойду поищу Латти.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и стремительно направился обратно в Обитель. Его движения эхом расходились по длинным коридорам. Бальдр шёл быстро, привыч-

но срезая путь через боковые галереи, проходил мимо духов-служителей и редких обитателей Обители. Кто-то кланялся, кто-то молча прижимался к стене.

Коридор возле жилых покоев был почти пуст. Латти стояла у узкого стрельчатого окна, сложив руки за спиной. Белые волосы мягко спадали на плечи. Серый свет Хельхейма превращал её кожу в фарфор.

— Я так и думал, что найду тебя здесь.

Латти медленно повернула голову.

Бальдр остановился рядом, облокотившись плечом о холодную стену. Несколько секунд оба молчали.

— Могу поздравить тебя с удачным броском?

— О, так у меня были зрители. — Бальдр растянул губы в широкой улыбке. — Я становлюсь популярным.

— Опять ведёшь себя как дурак. — Латти тяжело вздохнула и едва заметно покачала головой. — Ты единственный, кто развлекается подобным образом.

— Вечность в заточении располагает к странным занятиям. Главное, никого не осуждать.

На этот раз Латти действительно едва заметно улыбнулась, но улыбка почти сразу исчезла.

— Ты слишком... развязно ведёшь себя с госпожой.

Бальдр посмотрел на неё.

— Ревнуешь?

Латти не отвела взгляда.

— Переживаю.

— За неё?

Небольшая пауза.

— За тебя. — Улыбка сразу исчезла с лица девушки. Рука автоматически погладила шею.

— Латти... — В голосе было столько вины и боли. Бальдр смотрел на шрам, уходящий под высокий воротник.

Она отвела взгляд. Он видел его каждый раз. И каждый раз вспоминал, откуда тот появился.

Предыдущие Хель не приходили сюда чудовищами. Сначала они боялись, сопротивлялись и цеплялись за прежнюю жизнь, но рано или поздно почти каждая начинала меняться. Некоторые переставали замечать чужую боль. Другие однажды обнаруживали, что она им нравится, и становились отродьями смерти.

Сумасшедшие куклы-сосуды.

— Она не похожа на прежнюю, — тихо сказал он.

Латти молчала.

— Ты же видела её. Она растеряна, напугана, не понимает и половины происходящего. Она всё ещё...

— Живая?

— Да.

Латти опустила взгляд и сцепила руки за спиной.

— Я не хочу снова страдать, Бальдр. Слышишь? Не хочу. — Эти слова прозвучали почти шёпотом. Голос на его имени задрожал. — Поэтому... Пожалуйста. Не пытайся ничего изменить. Никуда не лезь. — Голос стал громче. — Мы все

здесь уже мертвы. Здесь уже никому не помочь.

Девушка замолчала.

Бальдр снова посмотрел на едва заметный шрам и уже шагнул к ней навстречу, чтобы обнять.

В конце коридора слышались тяжёлые размеренные шаги.

Летт.

Он подошёл молча. Его взгляд сначала остановился на сестре, потом медленно перешёл на Бальдра.

— Латти, твоя очередь сторожить покои госпожи.

Она коротко кивнула и выпрямилась.

— Поняла.

Сестра уже собиралась уйти, но на мгновение задержалась рядом с Бальдром. Она даже не посмотрела ему в глаза.

— Береги себя.

Её слова были слышны только для него. Потом она развернулась и быстрым шагом скрылась за поворотом.

Несколько секунд мужчины молчали.

Летт смотрел вслед сестре, затем повернулся к Бальдру.

— Я, кажется, предупреждал тебя, чтобы ты не ошивался рядом с моей сестрой. — Летт цедил слова, будто капли яда.

— Мы просто разговаривали, Летт. — Бальдр постарался говорить непринуждённо. — Страшное преступление, понимаю.

— Ты можешь шутить сколько угодно. Только это ничего не исправит. На этот раз я не позволю никому сделать ей

больно.

— Даже богине? — Бальдр непроизвольно усмехнулся.

— Даже ей.

— Как же это глупо и пафосно. Ты ведь понимаешь, что мы бессильны, если она захочет с нами что-то сделать. — Светлый бог прикрыл глаза рукой.

— Сменим тему. Ты почувствовал зов пса?

— Как и все в Хельхейме. Он зовёт её. Надеюсь, это скоро прекратится. — Летт резко развернулся и бросил через плечо: — Насчёт сестры я тебя предупредил, светлый.

Бальдр смотрел вслед быстро уходящему Ганглетту. Он ещё какое-то время стоял один.

Где-то далеко хлопнула тяжёлая дверь. Светлый бог вздрогнул и прислушался.

— Кажется, новая богиня решила выйти в свет.

Альвы* - это сверхъестественные существа в скандинавской мифологии, чем-то похожие на эльфов.

Альвхейм* - это мир светлых альвов в скандинавской мифологии и один из девяти миров.

Драугр* - это ожившие мертвецы в скандинавской мифологии. Часто драугров описывали как опасных и злобных существ, способных нападать на живых.

Глава 10 На границе миров

Мы пошли по коридорам Обители. Теперь я могла подробнее разглядеть свою клетку. Везде разруха, запах болезни и смерти, казалось, все здесь пропитано распадом и болью. Стены покрывали руны, местами настолько стёртые, что невозможно было разобрать ни одного знака, а кое-где камень почернел и вздулся, словно гнилой нарыв. Из трещин сочилась густая чёрная слизь, запах сырости смешивался с чем-то болезненно-сладким, напоминающим разложение. Как-будто, это место мучается и хочет умереть, но ему не дают. Пока мы шли, от одной из колон отвалился целый пласт заплесневелого камня и разбился у наших ног. Латти даже не вздрогнула и не замедлила шаг.

Коридор постепенно становился шире. Потолок уходил всё выше, пока совсем не растворился во тьме. Казалось, сама обитель выросла внутри скалы, которую кто-то когда-то пытался превратить в замок. С каждой новой трещиной и каждым пятном чёрной слизи становилось очевиднее, что владеть мне досталось не царством, а огромным гниющим телом, за которое теперь почему-то я несла ответственность.

Иногда впереди мелькали полупрозрачные фигуры духов-служителей. Они бесшумно переносили тяжелые сосуды, какие-то свитки, связки ключей, не глядя ни на меня, ни друг на друга, однако стоило нам приблизиться, как они по-

спешно отходили к стенам и низко склоняли головы.

Где-то наверху послышался сухой скрежет.

Я подняла голову.

По стене, цепляясь за выступы длинными костлявыми руками, ползло существо, похожее одновременно на огромного волка и человека. Половина его морды давно сгнила, один глаз отсутствовал, а из разорванного живота свисали и волочились черные кишки. Оно двигалось на четвереньках, легко перебирая конечностями, и почти не издавало звуков, кроме скрежетания когтей о камень.

Существо остановилось и замерло как будто перед прыжком. Долгий выжидательный взгляд. Обрубок хвоста замер.

Я даже не успела заметить, дернулось ли существо в нашу сторону. Короткий взмах копьём и эта тварь уже висит на наконечнике, скорчив морду то ли от боли, то ли от досады, что охота не удалась.

— Это падалыщик госпожа.

Латти спокойно стряхнула с копья существо на пол и, перешагнув его, пошла дальше. Я поспешила следом за ней.

— Спасибо Ганглатти. — Голос оставался сухим и подчеркнуто холодным, но внутри меня буквально трясло от ужаса и отвращения. Я и представить не могла, что Латти так хорошо обращается с копьём. Я даже не успела заметить откуда оно взялось. — Я так понимаю, это представитель так называемых «местных обитателей»?

— Да госпожа. Тут еще много разных ...существ. Я ис-

крenne надеюсь, что вы с ними не столкнетесь. По крайней мере, пока не войдете в силу.

После этих слов я скривилась. Опять это *войдете в силу*. В какую, мать вашу, силу?!

— Вы ведь заметили, что все царство рассыпается? — спокойный голос Латти заставил меня взять себя в руки.

— Это сложно пропустить: стены, буквально, отваливаются по дороге.

— Обитель существует внутри Хельхейма и меняется вместе с ним. Когда царство слабеет, разрушение начинается именно с нее.

— А тут есть чему еще разрушаться? Я что-то ничего такого не заметила. Кроме моста. Но он вроде не внушает чувства прекрасного, так что, его по идее не жалко.

Мало мне проблем, теперь еще и это проклятое место разваливается.

— А если все тут рухнет, я буду свободна?

— Боюсь вас разочаровать, госпожа.

Все еще находясь под впечатлением после нападения, я еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть, когда Летт неожиданно появился из черного коридора слева. Парень педантично осматривал рукав и стряхивал невидимые пылинки. Достигнув успеха, он перестал мучать одежду и пристроился позади меня с правой стороны.

Интересно, что они вообще делали, пока я напивалась. Еще один вопрос в мой длинный список.

Ганглетт прервал мои мысли:

— Хельхейм связан с остальными мирами гораздо сильнее, чем может показаться. Если он окончательно разрушится, границы между мирами начнут исчезать, мёртвые перестанут оставаться здесь, а существа, которые сейчас заперты в глубинах царства, получают возможность выбраться. Рано или поздно это нарушит равновесие всех девяти миров. Наступит хаос. Возможно, боги-асы что-то придумают, но сильно сомневаюсь.

— Прекрасно. Я уже решила, что проблем недостаточно.

Мы продолжили путь к массивным дверям, едва различимым впереди. На фоне темных дверей были видны статуи воинов, но каких то странных.

— Хельхейм долго был без богини, - продолжил Летт - Вы уже здесь, но связь с царством ещё не восстановилась полностью, поэтому Обитель продолжает разрушаться. Медленно, но все же. Чудища уже чувствуют слабость. Нидхег стал чаще показываться на поверхности. Поэтому...

— Нидхег – это кто?

— Это змей-дракон. Одно из первых чудовищ. Он заточен в Яме с убийцами, ворами и предателями, с теми кто обречен на вечные муки. Нидхег рвет их на части и некоторых пожирает. - так буднично это все прозвучало, что мне снова стало не по себе. Летт не проявил никаких эмоций. — Собственно поэтому он и спрятан в глубинах Хельхейма.

— Но змей уже чувствует вашу слабость госпожа – Латти

потупила взгляд. — если вы продолжите слабеть, то он попытается выбраться.

— Сначала он сожрет тех, кто рядом. — Летт перебил сестру. — Так как это падаль, а не души, то их и не жалко — его лицо на миг стало кровожадным, от чего у меня перехватило горло — Потом доберётся до остальных душ. Если же ему удастся подняться достаточно высоко... огромная змея поползет по девяти мирам* наедаться.

Я резко остановилась. На слове «сожрет» обруч на шее зашевелился, устраиваясь поудобнее. Видимо, кто-то тоже не против перекусить.

— Очень познавательно - я сглотнула и обняла себя за плечи. — А что ему не дает вырваться?

— Кто ему не дает вырваться...

— Его тут еще не хватало. - сквозь зубы прошипел Ганглетт

— Всех рад видеть. Даже тебя Летт.

Бальдр высунулся из-за спины Латти. Огляделся и сделал вид будто с наслаждением вдыхает спертый воздух Обители:

— Бодрит. Ну что ж теперь все в сборе, можем продолжить экскурсию, вы же не против?

— Можно подумать, если мы против, то ты провалишь. - Летт все отчетливее переходил на шепот, выдавая крайнюю степень злости.

— Не против, но держи язык за зубами, пока я сама не разрешу тебе говорить. - я и сама уже начала шипеть, пере-

няв настроение Летта.

Я перевела взгляд с одного на другого. Судя по лицу Ганглета, за время моего пьянства эти двое успели найти ещё одну причину ненавидеть друг друга.

Бальдр протиснулся мимо Латти, случайно задев ее плечом. После моих слов он отвесил шутовской поклон и на показ сильно сжал губы. Правда, в его глазах не было веселости.

Массивные двери появились неожиданно. Они были настолько огромны, что казались частью самой скалы. На черном камне тянулись глубокие борозды, словно по нему бесчисленное количество раз проходили когти размером с человеческую руку. По бокам от выхода стояли два воина в ржавых доспехах с зелеными огнями в глубине глазниц. Их лица их были неподвижны.

— О, это мои знакомые - Бальдр с свойственной ему легкостью и позитивом обратился к воинам:

— Поприветствуете свою госпожу?

Тишина повисла в воздухе.

— Приношу извинения за моих друзей. – Бальдр отвесил очередной поклон – еще утром они могли хотя бы головой пошевелить. Видимо, на сегодня это все.

— Они тоже ...чудовища? – от зеленого огня в глубине глаз этих живых статуй мне становилось не по себе.

— Нет госпожа. Это бывшие воины, которые попали в Хельхейм...

— Латти, не порти госпоже сюрприз. За воротами вас ждёт ещё много интересного. В том числе, и павшие воины. Давайте поскорее пойдём – Бальдр от нетерпения чуть ли не подпрыгивал.

Я посмотрела на неподвижных воинов ещё раз. В глубине пустых глазниц зеленоватые огоньки едва заметно дрогнули, и мне на мгновение показалось, что один из них всё-таки проследил за мной взглядом.

— Очень воодушевляющее начало экскурсии. Надеюсь, дальше будет хотя бы немного меньше тварей, которые хотят меня съесть.

— Ничего не обещаю, – Бальдр развёл руками. — Но пейзажи определённо станут разнообразнее.

Летт медленно повернул к нему голову. Светлый тут же сжал губы и сделал вид, что его вообще тут нет.

Я первой вышла за ворота. Ледяной ветер ударил в лицо так резко, что пришлось на мгновение прищуриться. Передо мной раскинулся огромный каменный мост, скованный толстым слоем льда и уходящий далеко вперёд в белёсую мглу. Туман обвивал его опоры, медленно полз по краям и местами перетекал через камень. Под мостом едва различимо двигалась тёмная вода.

— Госпожа, позвольте я продолжу, – Летт вышел чуть вперёд. — Река называется Гьёлль. По мосту через неё проходят души, направляющиеся в Хельхейм. Сам мост — часть перехода, но окончательная граница царства находится дальше.

— Вот значит как это работает. - продолжая разговор я всматривалась в реку. Под толщей мутной темной воды ничего не было видно. Только клубился густой туман, медленно ползущий вдоль каменных опор. Река, как густое варево, шла еле заметными волнами и пузырями.

— Вам не требуется встречать каждую душу лично, если именно это вас беспокоит. – тихий голос Латти раздался из-за спины

— Хотя одна приятная новость за сегодня. Я уже представила очередь длиной в вечность и себя на неудобном каменном троне. То есть, мой ошейник – это просто наказание? - обруч сдавил горло и легко кольнул в шею.

— Я имею в виду... раз мне ничего не надо делать: встречать души, распределять и вот это все, то зачем тогда мне чувствовать смерти других!!?

Слуги замолчали. Даже Бальдр не нашёлся что ответить. Первой молчания нарушила Латти:

— Символ власти связывает вас с теми, кто пересекает границу. Поэтому вы можете их чувствовать. Сейчас эта связь ещё слабая, но со временем вы сможете находить души и, если потребуется, вмешиваться.

— То есть эта штука не просто пытается меня задушить, а ещё и работает проводником?

— Если выражаться упрощённо – да.

— Прекрасно. Универсальное украшение. И душу найдёт, и хозяйку при случае прикончит, если вовремя не покор-

мить.

Металлическая тварь слегка ужалила меня в шею. Ничего, говорят голодание полезно. Придется как-то быстрее решать эту проблему, иначе эта мерзость начнет откусывать куски от меня.

Размышляя над предоставленной мне информация, я подошла к краю моста.

— А в реке кто-нибудь водится?

— Не подходите слишком близко, госпожа. - Латти скользнула в след за мной, замерев по правую сторону и чуть впереди.

Я вопросительно посмотрела на неё.

— Почему?

Вместо ответа Летт поднял с мостовой небольшой осколок льда и без замаха бросил его вниз. Вода беззвучно проглотила камень.

Прошла секунда. Другая. Потом поверхность реки словно взорвалась. Из мутного, вязкого варева одновременно вырвались десятки почерневших рук. Они судорожно хватали пустоту. Обломанные ногти царапали каменные сваи, оставляя глубокие борозды.

Затем выныривая будто из липкой смолы, из воды показались головы: раздутые, посиневшие, с остатками длинных спутанных волос. Пустые глазницы светились зеленым огнем. Их лица подергивались и запрокидывались вверх, словно вынюхивая добычу. Один из мертвецов оттолкнулся от

остальных и подпрыгнул так высоко, что его пальцы не достали до края всего ладонь.

Я резко отшатнулась, врезавшись спиной в Летта. Он даже не качнулся. Судя по всему, он также, как и Латти подошел ко мне ближе.

Через мгновение всё исчезло. Будто река снова проглотила собственных чудовищ.

— Что ж. Вопрос снялся сам собой. А кто это...или что?

— Драугры, – спокойно произнесла Латти.

Я ещё несколько секунд смотрела на снова ставшую неподвижной реку.

— Как и те возле входа? – девушка коротко кивнула. -
Еще одни мертвецы. Хотя кого здесь можно этим увидеть -
я вздохнула и провела рукой по волосам.

— Да, госпожа. Но охранники ещё сохраняют разум. Насколько это вообще возможно после стольких лет.

Бальдр не выдержал:

— Они мои друзья. Никогда не перебивают, не спорят и всего за несколько десятилетий научились говорить почти целое слово.

— Ты обещал молчать – напомнил Летт.

— Я только уточнил важную деталь.

Летт даже не повернул головы, в его руках появилась черная кожаная плеть. Звонкий щелчок и железное острие, которым заканчивалась плеть, ударилось об лед. Буквально в сантиметре от Бальдра.

— Это первое и единственное предупреждение.

Светлый шут побледнел, хотя куда еще. Его взгляд метнулся ко мне, не найдя поддержки, он лишь сцепил руки за спиной в замок и отступил на полшага.

Когда щелкнула плетъ, я еле сдержалась чтобы не отскочить в сторону, только близость края моста меня удержала от этого. Я хотела вступить за Бальдра. Заорать на Летта, какого Хела тот вытворяет. Одного слова было бы достаточно. Но я этого не сделала. Может, потому что какая-то часть меня уже начинала привыкать к местным правилам.

Последняя мысль оказалась слишком неприятной.

— Почему те, что в реке, так отличаются от .. – я махнула рукой на вход в Обитель - них?

Латти ответила первой:

— Некоторые души со временем принимают смерть. Рано или поздно. Отпускают ненависть, страх, жажду мести... и уходят дальше. - Она ненадолго замолчала. — Но бывают другие.

— Многие из тех, кого вы видели, погибли воинами, но валькирии их не забрали. Некоторые из них умирали в бесчестном бою, предавали своих или убивали противника ударом в спину. Если такая душа после смерти продолжает цепляться за ненависть, постепенно от человека остаётся только это. - на этих словах Летт сглотнул. Латти тут же коснулась пальцами его рукава.

Я снова посмотрела вниз. Теперь становилось понятнее. Сегодня будет познавательный день.

— Как они поняли, что мы здесь?

— Любое движение на мосту. И если кого-то утянут вниз... Он уже не вернётся. Даже вы госпожа.

Я отошла от края ещё на один шаг.

— Спасибо. Теперь мне значительно спокойнее.

Мы пошли дальше, я старалась идти ровно посередине. С каждым шагом мост становился шире. Впереди, медленно проступая сквозь белёсый туман, возвышались две исполинские фигуры.

Сначала мне показалось, что это две высокие каменные башни. Потом одна из башен повернула свою уродливую голову в нашу сторону. От изумления я замерла и некрасиво открыла рот.

— Это еще что? Или кто?

Перед нами возвышались две великанши.

Их серая кожа походила на потрескавшийся камень. Длинные спутанные волосы свисали почти до колен, переплетаясь с высохшими корнями и клочьями мха. Из-под тяжёлых надбровных дуг на нас смотрели молочно-белые глаза без зрачков. Обе были одеты в шкуры какого-то огромного зверя, скреплённые человеческими костями. В руках они держали массивные древки, заканчивавшиеся железными крюками.

Стоило мне прийти в себя, как та которая обратила на

наш внимание, также медленно снова отвернулась. Движение сопровождалось тяжёлым скрежетом, будто внутри её тела вместо суставов двигались каменные плиты. Великанши стояли на границе мира мертвых и мира живых.

- А они здесь зачем? — я старалась держать себя в руках, но голос предательски дрожал, выдавая мой страх.

— Они следят за воротами и поднимают решётку тем, кому позволено пройти, — ответила Латти.

Между великаншами действительно возвышались огромные кованые ворота. Чёрная решётка сейчас была поднята вверх.

Я и моя свита, наверное, так теперь правильно их называть, подошли ближе на несколько шагов. И тут же за воротами раздался тяжёлый металлический лязг.

Кто-то медленно тянул по камню цепь настолько тяжёлую, что каждый удар отдавался вибрацией по мосту. Звук неприятно напомнил скрежет моей костяной челюсти. Я внутренне сжалась и уже почти начала погружаться в пучину жалости к себе, как заметила, что Латти напряглась.

Летт положил руку на плетень. Бальдр неожиданно перестал улыбаться и сделал шаг ближе ко мне.

В тумане за воротами загорелись четыре красных глаза. Потом длинная морда выплыла нам навстречу. Из пасти адского чудовища свисали нити черной слюны. Шерсть местами отсутствовала совсем, обнажая сероватую плоть и торчащие белые кости рёбер. Мощные лапы продавливали с каж-

дым движением лед на мосту. От когтей к нашим ногам побежали тонкие трещины. Каждый выдох чудовища превращался в облако инея.

Широкую шею обвивала цепь, сплетённая из человеческих и звериных костей. Другой её конец держал огромный ржавый крюк, глубоко вбитый в камень моста.

— Это... и есть Нидхег? — я начала немного пятиться назад. Пес зарычал. Звук ударил по телу так сильно, что на секунду заложило уши.

— Замрите — На этот раз в голосе Бальдра не было ни привычной лёгкости, ни насмешки. Я уперлась в его грудь и остановилась. Меня жутко бесило такое близкое нахождение с светлым, но я не могла даже пошевелиться. Меня сковал страх.

— Нет, госпожа. Нидхёгг гораздо менее симпатичен. А это ваша милая зверюшка, которая иногда подвывает и своим воем доводит все царство до осязаемой дрожи. Скучает по хозяйке - Бальдр горячо зашептал мне на ухо. — Эта пси-на охраняет границу. Кличка – Гарм.*

Опять он паясничал. Даже могила не исправила, но сейчас мне было плевать. Эта милая зверюшка не сводила с меня глаз.

— И если вы вдруг не догадались, то любимая хозяйка — это вы, так... - я двинула его локтем в живот, не так сильно, как хотелось бы. Этого хватило чтобы он заткнулся.

— Если честно, я рассчитывал, что он узнает ее. И все

будет не так..- голос Летта был едва различим

Я снова посмотрела на Гарма. Я не могла отвернуться от четырех красных глаз, которые, не мигая, продолжали меня рассматривать. Он смотрел только на меня.

«Он твой»

Я нахмурилась. Что за бред? Я впервые вижу эту тварь.

Ошейник едва заметно зашевелился. Гарм чуть наклонил голову.

И тогда появилась новая мысль.

«Он узнает тебя.»

Во мне появилась уверенность, настолько естественная, будто принадлежала мне всегда.

Я сделала шаг.

— Госпожа...

Бальдр коснулся моего рукава.

В ту же секунду ошейник скользнул ниже и предупреждающе двинулся к плечу, заставив его убрать руку.

«Ближе.»

Ещё один шаг.

Цепь тихо звякнула. Гарм едва заметно дернулся в мою сторону, не отводя от меня глаз.

«Ты ведь богиня смерти»

По телу разливалась странная уверенность и безразличие ко всему происходящему.

«Пора приручить пса.»

Страх становился всё слабее. Будто кто-то медленно выкручивал его изнутри

Цепь тихо звякнула.

Именно в этот момент Бальдр резко выругался и метнулся за мной.

— Хель чтобы тебя Фенрир* сожрал! Назад! Мать твою, назад!

Я не остановилась. Еще один шаг. Совсем немного. Гарм оскалился.

Что может случится..

Чудовище сорвалось с места.

Я даже не поняла, как это произошло. Только мысль «Какого хрена я делаю?»

Только что чудовищный пес стоял возле ворот. И вот огромная пасть уже летит прямо мне в лицо.

—Назад!

Меня с такой силой ударили в плечо, что мир перевернулся.

Мы с Бальдром покатались по обледевшему мосту, и я так сильно ударилась спиной о камень, что на несколько секунд перед глазами потемнело. В ту же секунду над нами с оглушительным лязгом сомкнулись челюсти Гарма. Всего в нескольких пальцах от головы Бальдра.

Он даже не попытался подняться, продолжая закрывать меня собой. Одной рукой прижимал к мосту, другой вцепился в ледяной выступ, чтобы нас не понесло к краю.

Гарм снова бросился вперёд. Цепь резко натянулась. Толстые костяные звенья заскрежетали, удерживая чудовище. Недовольный рёв эхом прокатился по всему Хельхейму.

Жуткие брат и сестра уже стояли между нами и чудовищем. У Латти в руках было уже виденное мною копье, а Летт держал тяжелый меч. Они прекрасно понимали — если цепь не выдержит, остановить его не сможет никто.

Я попыталась выбраться из-под светлого бога. Бальдр резко прижал меня обратно.

— Лежи! Тоже есть, лежите, госпожа.

— Слезь с меня сейчас же!

— Вы уверены? Может пусть ваша собака успокоится?

— Я не... - Договорить я не успела. Именно в этот момент моя голова оказалась слишком близко к краю моста.

Ледяной туман под нами вдруг вспух. Из него вылетела почерневшая рука. Потом вторая. Пальцы впились мне в волосы. Боль обожгла кожу. Меня резко дёрнули вниз. Запрокинув голову, я увидела мертвые лица другров.

— Бальдр, собачье отродье, сделай же что-нибудь! - кажется это кричал Летт или Латти?

Мертвецы лезли друг через друга. Рвали друг друга. Ломали собственные пальцы, лишь бы добраться до меня. Из раскрытых ртов рвался немой крик.

Я обеими руками вцепилась в светлого бога. Волосы натянулись так сильно, что на глазах выступили черные слёзы.

Ещё немного...И меня просто стащат вниз.

Рядом мелькнуло лезвие и тяжесть исчезла.

Бальдр поднялся и рывком притянул меня к себе. Рядом с нами стоял Летт. Его меч был выпачкан темно-зеленой слизью. Сразу несколько драугров сорвались обратно в реку.

Несколько мгновений никто не двигался. Только в глазах Ганглетта плескалась злость и необузданная жажда боя. Ярость подсвечивала слегка заметным зеленым огнем. Он моргнул и все это исчезло. Холодная маска и непроницаемое лицо. Пожалуй, сейчас я в первый раз действительно испугалась его.

Бальдр все еще стискивал мои плечи, не собираясь отпустить и тоже молчал. Латти неожиданно оказалась рядом с нами.

— Бал, у тебя кровь, то есть Бальдр - Ганглати потупила взгляд. Но тут же взяла себя в руки — Госпожа, с вами все в порядке? Давайте я вам помогу - она аккуратно убрала руки светлого бога и встала между нами.

Когда Бальдр отступил я увидела, что по его спине тянулись четыре глубокие борозды от когтей Гарма. Из ран медленно стекала золотая кровь. Я еще какое-то время смотрела на его спину. Я была благодарна ему, но в тоже время не понимала какого Хела он полез меня спать?

Летт медленно опустил меч.

— Давайте переместимся в более безопасное место, смею предположить, что на сегодня достаточно экскурсий - холодный голос Летта привел всех нас в чувства. Аккуратно ша-

гая по тонкой полосе между краем моста и безопасным расстоянием от Гарма, мы наконец-то оказались за воротами с поднятой решеткой.

Только оказавшись по другую сторону великанш, я позволила себе перевести дыхание. В мои мысли снова ввинтился чужой голос

«Для первого раза сойдет, и будь аккуратнее с стариком»

Хлоп.

Хлоп.

Хлоп.

Неторопливые аплодисменты прозвучали по ту сторону ворот.

Все одновременно обернулись.

В нескольких шагах от границы Мира мертвых с миром живых стоял высокий мужчина. Длинный тёмно-серый плащ почти касался земли. Широкополая дорожная шляпа скрывала половину лица. Из-под неё выбивались серо-седые волосы. На плечах сидели два огромных ворона. Они внимательно наблюдали за происходящим.

Мужчина медленно снял шляпу. Лицо оказалось неожиданно спокойным. Испещрённым глубокими морщинами. Так мог бы выглядеть добрый дедушка, к которому приехали внуки, если бы не взгляд единственного открытого глаза. Второй скрывала тёмная повязка, из-под которой вниз уходил старый шрам. Мужчина улыбался, вполне добродушно, но в тоже время было в нем что-то, что заставляло сжимать-

ся все тело.

Он ещё раз хлопнул в ладони. Неспешно. Будто только что досмотрел удачное представление.

— Горжусь тобой, сын.

Его голос звучал совсем молодо и твердо.

— Даже после смерти остаёшься благородным.

Бальдр ничего не ответил. Только поджал губы и напрягся.

Мужчина усмехнулся. Два ворона одновременно сорвались с его плеч. Описали круг над мостом и скрылись в тумане на стороне мира живых.

Я невольно проводила их взглядом. Только после этого обратила внимание на мужчину.

Он также разглядывал меня. Ошейник неприятно сжал шею, пустив волну холода по плечам. «Ну а сейчас то что не так?»

— Приветствую новую богиню смерти! - он ударил себя в грудь кулаком и потом поднял руку вверх.

Я замялась. Мне тоже нужно что-то сделать?

Я несколько секунд смотрела на него. И только потом поняла, что именно кажется неправильным.

Он был жив.

— Кто вы?

Мужчина едва заметно улыбнулся.

— Моё имя Один.*

И впервые за всё время Летт, Латти и даже Бальдр одно-

временно склонили головы. Совсем немного, и все же.

«Не доверяй ему», «Он может помочь», «Ни о какой помощи нет речи», «Ему все равно на тебя» «Он нужен тебе», «Проси», «Он виноват», «Лжец»

Я непроизвольно зажмурилась. Снова. Они снова вернулись. Десятки голосов, перемежаясь, кричали, шептали, смеялись. И во всем этом безумии где-то совсем глубоко вспыхнули и погасли медные глаза.

Ошейник болезненно сжал шею.

— Госпожа? — тихо позвала Латти.

Я медленно покачала головой.

— Ничего. - Конечно, я соврала.

Один внимательно наблюдал за мной: — к сожалению, не могу вас пригласить. Боюсь, это чудовище вас не пропустит.

— Ни скажу, что к сожаления, но я не могу войти.

Я непонимающе посмотрела на него. Он стоял на небольшом расстоянии от Гарма. Между первым камнем моста и его сапогами оставалась узкая полоска земли. Он не переступал ее.

— Почему?

— Потому что я жив. Любой, кто, переступит эту границу, перестанет принадлежать своему миру. - Он слегка наклонил голову. — Именно поэтому я не смог вернуть сына.

За моей спиной едва заметно напрягся Бальдр. Ни каких шуток и даже язвительных замечаний. Он просто молчал.

Я посмотрела на ворота, на Гарма, который всё ещё не сво-

дил с меня четырёх красных глаз, потом на тонкую линию между сапогами Одина и камнем.

Получается река была дорогой, а мост переходом. Настоящая же граница была именно за псом. Там заканчивался мир живых, и начинался мой. Мой мир мертвых.

— Тогда зачем вы пришли?

В уголках губ Одина появилась слабая улыбка.

— Познакомиться.

— Здравствуйте.

Один громко рассмеялся, запрокинув голову, вполне искренне, после чего его взгляд снова остановился на мне.

— Полагаю, нам еще не раз придется разговаривать. Надеюсь, наши встречи принесут тебе пользу.

Я невольно усмехнулась.

— С чего вы взяли что я буду с вами встречаться?

— Это неизбежно. – он склонил голову к плечу - Потому что очень скоро у тебя появятся вопросы, ответы на которые могу дать только я.

9 миров* - В скандинавской мифологии вселенная состоит из девяти миров, населённых богами, людьми, великанами, духами и мёртвыми.

Фенрир* - это гигантский волк в скандинавской мифологии, сын Локи и великанши Ангрбоды.

Гарм*- это огромный пёс из скандинавской мифологии, связанный с царством мёртвых Хель и охраняющий его вход.

Один* - один из главных богов скандинавской мифологии, верховный бог из рода асов.

Интерлюдия 2. Источник Урд

Никто не помнил, сколько раз Один приходил к корням Иггдрасиля. Даже сам Всеотец давно перестал считать.

Вода источника Урд* был неподвижна. Она не отражала небо, в ней не было ни солнца, ни звёзд — только лица тех, кто уже умер, и тех, кому ещё только предстояло родиться. Они возникали на поверхности на одно короткое мгновение и тут же исчезали, будто их стирала чья-то невидимая ладонь.

У корней мирового древа сидели трое. Старуха с лицом, похожим на высохшую древесную кору. Женщина средних лет с серебряной прядью в темных волосах. И совсем юная девушка, которая казалась младше остальных лишь до тех пор, пока не поднимала глаза.

Урд.*

Верданди.

Скульд.

Норны не подняли голов, когда Один остановился у источника. Они не поприветствовали его, словно не замечая.

Всеотец ждал.

На его плечах сидели два ворона. Хугин* нервно переступал когтями по меховому плащу хозяина. Мунин, напротив, неотрывно смотрел в воду.

Молчание длилось долго. Наконец Урд произнесла:

— Новая богиня уже ждет в кургане.

— Почему без меня?..

Старуха медленно подняла взгляд.

В ее голосе не было ни раздражения, ни упрека:

— Так решила судьба, правитель асов. Ты больше не властен над этим выбором. Не в этот раз.

Урд опустила ладонь в Источник. По чёрной воде разошлись круги, и на поверхности возникло лицо молодой женщины.

Светлые волосы. Испуганные глаза. Белый свет автомобильных фар, разрезавший темноту. Визг тормозов, удар и кровь, медленно расползающаяся по снегу.

Затем видение пошло вспять. Кровь исчезла со снега, удар обратился в движение, а на поверхности одна за другой начали возникать сцены её прежней жизни.

— Почему именно она? — тихо спросил он.

Норны переглянулись. Ответила Скульд:

— На этот раз окончательный выбор был не за тобой.

Ее голос ничем не отличался от голосов сестер.

— Да как вы посмели?!

Ответом стала тишина.

Лишь едва заметная улыбка коснулась губ самой младшей из норн.

— Не забывайся, Гримнир.*

Ее взгляд стал тяжелее. Пальцы едва заметно коснулись воды Источника, и Один невольно сделал шаг назад, крепче

сжав копьё.

Верданди спокойно провела ладонью по рукаву Скульд.

— Не сегодня. На этот раз мы простим тебя Бёльверк*.

Несколько простых слов. Но этого оказалось достаточно.

— Времени почти не осталось, — наконец произнес Один. — Хельхейм слабеет. Если сила не получит нового носителя...

— Мы знаем.

Пальцы Всеотца вновь сомкнулись на древке копья. Разговаривать с норнами всегда было одинаково тяжело. Они отвечали только на те вопросы, которые выбирали сами, и никогда не давали больше, чем считали необходимым.

— Скажите... кто вмешался?

Он впервые за долгое время произнес это почти как просьбу. Все три сестры молчали. Урд поднялась. Несмотря на внешность дряхлой старухи, двигалась она легко и бесшумно.

Она подошла к Иггдрасилю и приложила ладонь к коре. Дерево вздрогнуло. По темной древесине одна за другой вспыхнули тонкие руны. Один долго следил за ними. Руны не складывались в ответ.

— Руны молчат, — тихо сказала Урд. — Мы не идем против судьбы.

Она посмотрела прямо в единственный глаз Всеотца. Молчание стало еще тяжелее.

— Насколько она подходит?

В голосе Одина впервые прозвучало сомнение. Он ожидал увидеть совсем другую. Воительницу. Правительницу. Женщину, которая одним своим видом заставляла бы других склонять головы. Вместо этого судьба выбрала испуганную девушку.

—*Тем лучше. Страх легче превратить в послушание.*

Уголки губ Скульд дрогнули.

— Ровно настолько, насколько ты подходишь в жены Фенриру.

По Источнику прокатился тихий смех.

Один медленно закрыл глаз. Он никогда не любил приходить сюда. Здесь не имели значения ни титулы, ни победы, ни то, сколько миров склонялось перед его именем. Перед норнами он оставался всего лишь ещё одной нитью в полотне судьбы, пусть и отчаянно пытающейся изменить рисунок.

Без новой Хель царство смерти продолжит разрушаться. Души перестанут находить свой путь, древние твари почувствуют ослабевшие границы, а вместе с Хельхеймом исчезнет ещё одна возможность изменить то будущее, которое норны называли неизбежным.

Один слишком хорошо знал пророчество. Он видел Асгард, объятый пламенем. Видел гибель асов. Видел собственную смерть. Видел, как старый мир исчезает, уступая место новому. Но он не собирался склонять голову перед судьбой.

Если будущее можно увидеть, значит, должен существовать и способ его изменить.

Он слишком дорого заплатил за знания, чтобы теперь покорно принять предначертанное. Ради этого он пожертвовал глазом. Ради этого девять ночей висел на мировом древе-Иггдрасиле. Ради этого веками искал знания, которых не должен был знать никто.

Ему была нужна новая Хель. Она должна была удержать древнее царство от распада, овладеть силой смерти и стать достаточно сильной к тому моменту, когда пророчество начнёт исполняться.

— Значит... жертвы неизбежны, — тихо произнес Один.

Верданди долго смотрела на него.

— Быть воплощением семь веков подряд, довольно сложно. Это накладывает отпечаток.

Он ничего не ответил.

Когда Один уже собирался уходить, Скульд неожиданно окликнула его:

— Всеотец.

Он остановился.

— Не вмешивайся слишком прямо.

— Почему?

Девушка долго смотрела в неподвижную воду.

Потом подняла глаза.

Впервые за весь разговор в них мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Потому что есть вещи, которых не смогли предусмотреть даже мы.

Один медленно повернулся к ней.

— Что ты увидела?

Скульд едва заметно покачала головой.

— Не могу сказать.

Урд вновь опустила взгляд к Источнику.

— Мы и так сказали больше, чем должны.

Разговор был окончен.

Хугин первым расправил крылья. Мунин сорвался следом, и через мгновение чёрные силуэты растворились среди ветвей мирового дерева.

Один ещё несколько секунд стоял неподвижно, глядя в воду, в которой больше не появлялось ни одного лица.

Потом молча развернулся и пошел прочь.

Вода Источника Урд вновь стала совершенно неподвижной.

Словно этого разговора никогда не было.

Источник Урд — священный источник в скандинавской мифологии, расположенный у одного из корней мирового дерева Иггдрасиль.

Возле него живут три знаменитые норны — Урд, Верданди и Скульд, которые связаны с судьбами людей и богов.

Хугин и Муни́н — два ворона бога Одина в скандинавской мифологии. Они символизируют знание, наблюдение, мысль и память.

Глава 11 По чужим правилам

— Это неизбежно.

От того, как спокойно он это сказал, стало не по себе. Просто констатация факта. Словно моё мнение не учитывается.

Один продолжал смотреть на меня единственным глазом. Внимательно, но без той откровенной наглости, с которой обычно рассматривают странную внешность. Или, будем честны, что-то уродливое и мерзкое.

Я коснулась щеки. Под пальцами кости были холодными, гладкими.

Ошейник снова шевельнулся. Медленно надавил на шею. Этого хватило, чтобы я вздрогнула и опустила руку. «Да что опять не так?». Ошейник, разумеется, не ответил. Только стал тяжелее.

Несколько секунд никто ничего не говорил.

После нападения Гарма тишина казалась почти ненормальной. Ещё недавно здесь лязгали зубы, скрежетала цепь, драугры пытались утащить меня в реку, а теперь всё замерло.

Пёс стоял возле ворот, низко опустив огромную голову, и следил за Одином. Из пасти медленно стекала густая чёрная слюна. Капли падали на камень и тут же покрывались коркой льда. Цепь так и осталась натянутой. Зверь и не думал успокаиваться.

На всякий случай я отступила ещё на шаг. Латти двину-

лась вместе со мной. Почти незаметно. Так, чтобы снова оказаться чуть впереди, но не заслонять меня полностью. Летт остался справа. Меч он убрал, но руку с рукояти не снял. Светлый бог на удивление был молчалив. Кровь из глубоких царапин медленно стекала по его руке и капала на лёд. Он будто не замечал этого. Светлый отошёл мне за спину, почти скрывшись от собственного отца. — Довольно странная реакция на долгожданную семейную встречу.

Все смотрели на Одина.

Ошейник опять слегка сжался. На этот раз сильнее. Холд от него уже растекался по ключицам. Я попыталась просунуть пальцы под полоску металла, меня тут же захлестнула боль и предсмертная агония. Кто-то отчаянно цеплялся за жизнь. Секунда, и я отдернула руку. Сделала вид, чтоправляю волосы. И специально убрала их с лица. Пусть смотрит, нечего прятать такую красоту.

Один заметил движение. Его глаз на мгновение задержался на моей шее, потом снова поднялся к лицу. Молчание затягивалось.

— И что теперь? — не выдержала я.

— Теперь? — переспросил Один.

— Вы пришли познакомиться. Познакомились. Я — Хель. Бальдр ваш сын. Это мои слуги - Я рукой показала на жутких брата и сестру. - Мой пёс...- я запнулась и искривилась - А вы - Один. Вы живой, я, судя по всему, мёртвая. Знакомство состоялось. Что дальше? - в голосе явно звучал вызов. Ну

и дура же. Что ты ведёшь себя как ребёнок? Ты понятия не имеешь, кто он. А что, если он может помочь? Если он из «хороших парней»?

Уголок его рта дрогнул.

— Значит, обойдёмся без долгих вступлений. Возможно, при жизни ты тоже не любила ждать

— Не знаю.

Ответ вырвался раньше, чем я успела подумать. Я действительно не знаю. Какая я была раньше? Много говорила? Молчала? Боялась незнакомых людей или могла запросто заводить новые знакомства? Никаких ответов я не получила. Пустота. Она была там всегда. Огромная, чёрная, без краёв. Стоило случайно заглянуть внутрь, и становилось трудно дышать.

Только язвительные голоса: «Ты уже мёртвая», «Какая разница, какой ты была», «Опять эти страдания, сколько можно ныть»...

«Я с тобой, маленькая богиня» - последний голос прозвучал едва слышно, но внутри стало теплее и спокойнее. Хорошо иметь друга-галлюцинацию.

Я быстро отвела взгляд.

— Понятно, — произнёс Один.

— Что вам понятно?

— Ты напугана, — сказал он. — Это место пугает многих. Страх перед миром мёртвых не делает тебя слабой.

Я чуть не рассмеялась.

— Правда? А я и не поняла, что со мной. Надо же.

Латти едва заметно повернула голову в мою сторону. Её глаза округлились. Она хотела что-то сказать, но не стала. Только сжала губы в нить и опустила голову.

Наверное, не стоило грубить отцу Бальдра. Сегодня меня попытались сожрать, затащить в реку, задушить собственным ошейником и заставили разговаривать с богом, который почему-то называл меня своей девочкой.

На вежливость сил не осталось.

— Я очнулась в месте, где в реке живут трупы, — продолжила я. — Потом узнала, что это теперь моё царство. После этого выяснилось, что я богиня смерти. А сегодня моя собственная собака...

Гарм тихо зарычал и поднял уши.

— Она ещё не ваша — кашлянув, тихо сказал Бальдр. — Госпожа

Я резко обернулась. Он сразу опустил взгляд.

В его голосе не было насмешки. Только осторожность. Словно каждое слово, обращённое ко мне, могло обернуться против него. Ещё несколько дней назад это раздражало и выглядело нелепо. А теперь воспринималось как должное.

— Хорошо, не моя, чья-то псина, чуть не откусила мне голову.

— Гарм признаёт лишь жестокость и силу, — сказал Один.

Я посмотрела на него.

— Думаю, по мне видно, что ни того, ни другого у меня нет.

— Одного имени богини смерти недостаточно.

Внутри сразу вспыхнуло раздражение.

— Я это уже поняла.

— Сомневаюсь.

Он произнёс это мягко. Как терпеливый взрослый. Со всем не обидно.

От этого захотелось ударить его сильнее.

Я уже открыла рот, но ошейник внезапно дёрнулся и больно ужалил кожу. Я зашипела и прижала ладонь к шее.

— Госпожа, могу ли я ...? — Латти сделала движение ко мне, но остановилась. Летт предостерегающе посмотрел на неё.

Девушка застыла в двух шагах, ожидая разрешения.

Раньше она бы уже взяла меня за руки и, заглядывая в лицо своими щенячьими глазами, предложила свою помощь. Сочувствие и участие – вот что она могла мне дать. Но не теперь. Я опустила ладонь. На пальцах не было крови.

— Всё нормально. - раздражение и холод. Я не хотела. Так получилось само собой. Я злилась, вовсе не на неё.

Латти кивнула и отступила.

Ошейник снова затих, будто получил то, чего хотел.

«Мерзкая голодная тварь. Ненавижу тебя. Ненавижу. Да подавись ты»

Я ожидала нового укола. Как тогда в зале. Но украшение

оставалось просто украшением. Ответа не было.

Один наблюдал за нами. На его лице ничего не изменилось. Но я поймала непонятное для меня чувство в его взгляде. Он явно заметил, что мне стало нехорошо.

— Ты не против, если я присяду? — он развернулся и устроился на ближайшей коряге. — Ты устала. Я должен извиниться. — в его голосе сквозило сожаление.

— За что? — мой голос стал тише. Его присутствие давило на меня и одновременно успокаивало.

— За то, что не пришёл раньше. Это моя ошибка. — его взгляд стал серьёзным — Обычно, воплощения появляются сразу здесь. На границе мира мёртвых и мира живых. И именно я объясняю им правила.

Я уже собралась высказать всё, что я думаю, и причём всем. Одиному за то, что не пришёл, слугам за то, что молчали, Бальдру, в конце концов, за то, что ни слова не сказал про своего отца!

Правильно оценив мой взгляд и гневную гримасу на половине лица, мужчина поднял руки в примирительном жесте.

— Тебе страшно и больно.

Я хотела сказать, что это тоже очевидно. Что у меня болит плечо после падения, спина после удара о камень, кожа головы после мёртвых пальцев и шея из-за проклятого ошейника. Но почему-то промолчала. Он говорил не об этом.

В горле встал ком. Я опустила глаза на собственные руки. Длинные тёмные ногти. Слишком бледная кожа. Чёрные

следы слёз, размазанные по пальцам.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — сказала я тише, чем собиралась.

Слова повисли, между нами.

Их слышали все: Бальдр, Латти, Летт.

Но смотрела я только на Одина. Пока что только от него я получила столько понимания. Локи не в счёт, он просто моя галлюцинация. Мне послышался недовольный вздох.

Один слегка наклонил голову.

— Тогда спрашивай. Я ведь задолжал тебе пару ответов.

Голоса сразу проснулись: «Не надо», «Спроси его», «Он солжёт», «Он знает». «Не доверяй». «Тебе больше некому помочь». «Решение за тобой»

Шёпот наполнил голову так быстро, что я едва удержалась на ногах. Что-то настойчиво стучалось в висках. Я сжала их руками. Странное ощущение. Будто мне пытаются проломить череп. Перед глазами на мгновение мелькнули медные глаза. Потом всё оборвалось. Давление исчезло, оставив после себя тупую боль в висках.

Между его бровей на мгновение появилась складка. И тут же исчезла.

Один улыбнулся — спокойно, почти по-доброму.

— Я помогу. Начнём с простого. - Он обвёл взглядом ворота, мост, застывшего Гарма и туман, скрывавший Хельхейм. — Как тебе твой новый дом?

Я замерла. Дом. Я не хотела называть это место домом. До

сих пор. И не назову.

Я окинула взглядом свои владения. Туман лениво полз между чёрных камней, скрывая дорогу к замку. За ним угадывались острые шпили и тёмные стены, будто выросшие прямо из скал. Даже отсюда казалось, что Хельхейм умирает. Медленно и неотвратимо.

— Интересное место. Особенно понравилась река с трупам. И собака у входа очень милая.

Гарм снова зарычал.

— Он тебя слышит, — тихо заметил Бальдр.

Меня передёрнуло. Я уже и забыла, что эта тварь разумна.

Один не улыбнулся. Только продолжал ждать.

Почему-то от его молчания собственные слова показались глупыми. Я скрестила руки на груди и тут же поморщилась: плечо отозвалось болью.

— Здесь холодно, — добавила я. — Постоянно. Везде темно. Повсюду мерзкие твари. От ощущения тоски хочется лечь и снова умереть. Зброшенный, полуразрушенный замок. Самое место для мертвецов.

«Ты там живёшь», — услужливо напомнил один из голо-сов.

«Очень смешно».

— Что ты уже успела увидеть? — спросил Один.

Я нахмурилась.

— Мост. Реку. Драугров. Гарма. Великанш у ворот. Часть замка. — Я ткнула пальцем в ошейник. — И вот это прокля-

тие. - Ошейник ответил коротким болезненным уколом.

— Ты поверила, что умерла?

Я отвернулась к туману. Я умерла. Наверное. Теперь меня называют госпожой и богиней смерти. Мне принадлежит разваливающийся замок. Сотни, а может, тысячи мертвецов склоняют головы при моём появлении. Слуги боятся сделать лишний шаг без разрешения. Обруч на моей шее - проклятье. Он живой, злобный и вечно голодный.

И, пожалуй, одно из самых приятных — это моё лицо. К которому я боюсь даже притронуться.

Я провела языком по пересохшим губам.

Один ждал.

— И да, и нет. - Внутри моей головы кто-то усмехнулся.

«Да, да. Я ворую твои фразочки.» *«Мне не жалко»*

— Значит, ещё не до конца. - Один сжал губы в нить. Затем строго посмотрел на сына. Его взгляд прошёл сквозь меня, добираясь до Бальдра.

— Ты показал ей всю обитель и окрестности?

Бальдр открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

Я медленно повернулась к нему.

— Все окрестности?

Он не ответил сразу. На его лице ничего не изменилось, но взгляд на мгновение скользнул к Латти и Летту.

— Мы не успели, — сказал Бальдр. — И вы ещё не до конца пришли в себя.

— Вот вы и решили?

Летт ответил первым:

— Мы решили, что вам пока еще не все стоит видеть.

— Решили за меня?

— Да.

— Мы опасались, что увиденное окажется для вас слишком тяжёлым, — быстро добавила Латти. — Госпожа...

— Молчите. - я дёрнула рукой куда-то назад в сторону светлого бога.

Странно. Ещё недавно я раздражалась, когда они называли меня госпожой. Теперь это слово вдруг показалось удобным. Оно создавало расстояние. Не позволяло им меня жалеть. С этим я справлялась и сама.

«Сколько пафоса» «А с чем-нибудь ещё ты справишься?»

Ошейник на шее стал чуть тяжелее.

Один наблюдал за нами спокойно, словно эта пауза тоже была частью разговора.

— А Яму ты уже видела? — Он был спокоен. Ни ноты раздражения или злости. Только лишь усталый вздох.

— Похоже, я вообще мало что видела здесь - ядом сочилось каждое слово. Надо же, решили они. За меня. Опять.

— Про Яму всё-таки мне немного рассказали. - я кивнула брата с сестрой. — Но совсем в общих чертах. Вы считаете, мне стоит туда спуститься?

— А ты хочешь? Это часть твоего царства, так что... - Лицо Одина оставалось непроницаемым.

— Хочу.

Слово отозвалось где-то глубоко внутри. В этот же момент перед глазами пронеслись чьи-то воспоминания. Кровь, огромные твари, похожие на змеев, разорванные тела, крики и рёв сотен глоток. Чьи-то руки держат копьё, оно дрожит. Вибрация идёт по всему телу. Голод, ярость. И вкус крови на губах.

— На сегодня достаточно. Я приду после того, как ты увидишь Яму.

Я не успела ничего ответить. Только придя в себя после видения, я заметила, как он уже уходит прочь от моста. Серый плащ постепенно растворяется в тумане по ту сторону границы.

Несколько секунд все молчали.

— Бальдр, скотина! Ты почему мне не рассказал про... Про всё!!? И вы! - я резко развернулась к слугам - Все вы!

Голос дрожал от ярости, по телу заматались ещё совсем маленькие молнии. По пальцам пробежали тонкие тёмные разряды. Один ударил в камень и тут же погас. Латти отшатнулась. Летт поднял голову, в его взгляде мелькнул страх.

- Я хочу увидеть Яму. - я помедлила и повела плечом - после того, как приду в себя. Больше вы решать за меня не будете. Никто не будет.